ЖУРНАЛ ОБЩЕСТВА ИСТОРИЧЕСКОГО ОРУЖИЕВЕДЕНИЯ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

7 2019

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ЖУРНАЛА
«ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ»

АРТЕМЬЕВА Надежда Григорьевна
Кандидат исторических наук, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук
БАГРИН Егор Андреевич
Кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Москва)
ВЕТЮКОВ Владимир Александрович
Кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Москва)
ГОРБУНОВ Вадим Владимирович
Доктор исторических наук, профессор, Алтайский Государственный Университет (Барнаул, Россия)
ДМИТРИЕВ Владимир Александрович
Доктор исторических наук, Российский этнографический музей, Отдел этнографии Кавказа, Средней Азии и Казахстана
МАЛОЗЕМОВА Елена Игоревна
Кандидат исторических наук, Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург, Россия)
НОВОСЕЛОВ Василий Рудольфович
Кандидат исторических наук, Музеи Московского Кремля, Оружейная палата (Москва, Россия)
ОРЛЕНКО Сергей Павлович
Кандидат исторических наук, Музеи Московского Кремля, Оружейная палата (Москва, Россия)
ПАНФИЛОВ Игорь Михайлович
Кандидат исторических наук, Музеи Московского Кремля, Оружейная палата (Москва, Россия)
ПИНК Игорь Борисович
Кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе и экспозиционно-выставочной деятельности, Тульский Государственный Музей Оружия (Тула, Россия)
САМГИН Сергей Владимирович
Главный редактор журнала, кандидат политических наук, Тамбовский Государственный Университет (Тамбов, Россия)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕВЕДЕНИЕ

№7, 2019 г.

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС77-63760 от 16 ноября 2015 г.)
Учредитель: АНО «Центр поддержки и развития актуальных исследований в области исторического оружиеведения»
Главный редактор: Самгин Сергей Владимирович
Адрес редакции: Российская Федерация, Москва, 107207, Уральская 6-1-277
E-mail info@historical-weapons.com. Сайт: www.historical-weapons.com.

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия» 16 - 18 октября проводит Международную научно-практическую конференцию «Мир оружия: история, коллекции».

Цель конференции – введение в научный оборот современных исследований и материалов по военной истории, оружиеведению; обмен информацией об оружии из собраний музеев и частных коллекций, о тематически значимых сюжетах научных биографий; обсуждение проблем сохранения, экспонирования и реставрации музейных предметов; рассмотрение вопросов об институтах социальной памяти (библиотеки, музей, архивы) в контексте сохранения и восприятия военно-исторического наследия.

В ходе конференции планируется обсудить вопросы:

- История оружия, оружейного производства и военной техники.
- Музейные и частные собрания. Проблемы коллекционирования и реставрации оружия.
- Тема оружия в литературе и искусстве.
- Семейно-биографический ракурс «мира оружия».
- Военно-историческая тематика в научной и учебной литературе.

Конференция состоится в новом здании Тульского государственного музея оружия по адресу: г. Тула, ул. Октябрьская, 2. Рабочий язык конференции русский. Сборник материалов планируется разместить в РИНЦ.

Контактные данные:

+79606010143; samartse@yandex.ru
Самарцева Елена Игоревна, д.и.н., профессор, учёный секретарь ТГМО
+79056240260; tgmo-konferenz@yandex.ru
Гладина Александра Юрьевна,
научный сотрудник ТГМО

Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль» 22 – 25 октября проводит IV Международную научную конференцию «Историческое оружие в музейных и частных собраниях».

Цель конференции – введение в научный оборот новых памятников оружия, обмен информацией о хранящихся в музейных и частных собраниях отдельных памятниках и коллекциях оружия, обсуждение проблем их хранения, экспонирования, реставрации. Будет поднят широкий круг проблем современного оружиеведения.

Конференция будет проходить в лекционном зале Музеев Московского Кремля по адресу улица Манежная, дом 7.
К обсуждению предлагаются следующие темы:

- Оружейная палата Московского Кремля как центр оружейного производства.
- Исторические центры производства оружия и придворные оружейные мастерские России, стран Запада и Востока.
- Общие проблемы истории оружия и вооружения.
- История отдельных образцов и шедевров оружейного мастерства.
- История оружейного производства и технологий.
- История оружейных коллекций.
- Мастера, конструкторы, владельцы и собиратели оружия.
- Архивные источники о музейных памятниках.
- Новые атрибуции оружейных памятников.
- История бытования оружия и вооружения.
- Оружие в культурном контексте: его отражение в изобразительном искусстве и литературе.
- Историческое оружие в современном законодательстве: мировой опыт и нормативы, действующие в Российской Федерации.

Начало утренних заседаний в 10.30. Всем участникам конференции обеспечивается синхронный перевод выступлений докладчиков на английский/с английского языка. Во время ведения конференции будет вестись прямая трансляция на канале youtube.com. После завершения конференции будет доступна запись видеотрансляции. По результатам работы конференции планируется публикация сборника докладов.

По вопросам, связанным с проведением конференции, обращаться по телефону: (495) 621-51-27 Новоселов Василий Рудольфович

СОДЕРЖАНИЕ

Орленко С., Новоселов В., Курмановский В. К вопросу о булатном оружии русской работы XVII века (по материалам бывшего архива Оружейной палаты). **6**

Сеничев В. Правила иберийского двуручного меча, составленные Диего Гомесом де Фигуэредо в 1651 году. **89**

Талантов С. Клейма оружейников из Кази-Кумуха (Дагестан) середины XIX века на французском языке. **108**

Курочкин А. Рецензия на книгу: Robert Elgood. Rajput Arms & Armour: The Rathores & Their Armoury at Jodhpur Fort. Mehrangarh Museum Trust, 2017. **116**

Памяти Э.Г. Аствацатурян. **127**

Editorial Board **130**

Contents **131**

Summary **132**

Наши авторы **136**

СЕРГЕЙ ОРЛЕНКО
ВАСИЛИЙ НОВОСЕЛОВ
ВЛАДИМИР КУРМАНОВСКИЙ

К ВОПРОСУ О БУЛАТНОМ ОРУЖИИ РУССКОЙ РАБОТЫ XVII в.
(по материалам бывшего архива Оружейной палаты)[1]

Статья посвящена одному из актуальных вопросов отечественного оружиеведения - истории создания и бытования булатного оружия в России. Главным объектом исследования является Оружейная палата – придворная оружейная мастерская и арсенал русских царей XVII века. Источниковая база представляет собой комплекс аутентичных памятников, непосредственно относящихся к деятельности Оружейной палаты XVII столетия. Документальные источники представлены описями, приходо-расходными книгами, документами текущего делопроизводства Оружейной палаты (Оружейного приказа), ныне хранящимися в фонде 396 РГАДА. Вещественные памятники представлены подлинными образцами оружия, входившего в состав государевой оружейной казны XVII в. и ныне находящегося в собрании Музеев Московского Кремля. Важной частью работы является попытка максимально широкого обзора и анализа историографии вопроса.

На основании рассмотрения выявленных источников, авторы приходят к выводу о том, что на протяжении XVII столетия создание булатного оружия в Оружейной палате (для Оружейной палаты) носило эпизодический характер, не приобретая формы развитой и устоявшейся практики. Факты

[1] Исследование выполнено при поддержке РФФИ: проект 17-01-00268-ОГН и проект 17-01-00401-ОГН.

выкова московскими оружейниками клинков из булатной стали, по цене и качеству сопоставимых с их восточными аналогами, свидетельствует о высоком уровне их мастерства.

Документы свидетельствуют, что и в первой, и во второй половине столетия руководством Оружейной палаты предпринимались попытки пополнить состав мастерской специалистами, умеющими делать сабельные полосы высокого достоинства, а также организовать обучение таких специалистов в Москве или на Востоке. Отмечается, что эти попытки не были достаточно последовательными и настойчивыми и не увенчались сколько-нибудь заметным успехом. Также авторы констатируют отсутствие каких-либо убедительных свидетельств, указывающих на существование в XVII столетии в России производства булатной стали, при наличии источников, подтверждающих закупку булата на Востоке.

Причиной недостаточной активности в деле организации производства булатного оружия в Оружейной палате авторам видится уверенность руководства ведомства в возможности удовлетворить потребности русского двора в высококлассном оружии и доспехе за счет ввоза необходимых предметов из-за рубежа: непосредственно из Ирана и Турции. Одним из итогов проделанной работы является публикуемый в Приложении перечень булатного оружия, зафиксированнного в Переписной книге оружейной казны 1686/1687 гг.

Ключевые слова: *русское оружие, Оружейная палата, булат, производство оружия*

Изучение холодного оружия всегда находится на стыке нескольких научных дисциплин: истории науки и технологий, металлургии, металловедческого анализа, военной истории и оружиеведения. В изучении холодного оружия одной из вечно актуальных и привлекательных тем является исследование оружейных памятников из булата и дамасской стали. В мировых музейных собраниях и частных коллекциях сохранилось значительное количество клинков и иных предметов оружия и вооружения, от наконечников копий до

доспехов, изготовленных из различных сортов булата и дамаска. Однако большая часть таких памятников попала в коллекции на протяжении XIX-XX вв. Эпоха романтизма породила, в том числе, увлечение Востоком и спровоцировала увлечение коллекционированием редких образцов восточного оружия. Немалую ценность для коллекционеров представляло оружие из булатной и дамасской стали, превозносимое не только за красоту узоров, образующихся на металле в процессе изготовления, но и за приписываемые им особые, можно сказать, легендарные, даже сказочные свойства.

Спрос рождает предложение, и на антикварный рынок вместе с действительно старинными изделиями хлынул вал подделок. Иногда травлением имитировался рисунок узорной стали, иногда предмет сознательно старился нанесением подписи известного мастера и (или) ложной даты. Подобная практика возникла еще в период активного бытования булатного и дамасскового оружия: уже в XVII-XVIII вв. была широко распространена практика подделки производственных клейм на оружии, имитация сложных технологий с целью повышения его стоимости. Наиболее ярким примером такого клейма является подпись известного иранского клиночного мастера Асадуллы из Исфахана, работавшего в начале XVII в., которую часто можно встретить на клинках XVIII-XIX вв., например, на клинке из собрания Оружейной палаты инв. № ММК Ор-4489/1-2, датируемом 1786 г. Подобные клинки порой отличаются высоким качеством булата, из которого они изготовлены, но имя известного, можно сказать, легендарного мастера придавало им дополнительную ценность. Аналогичный процесс мы наблюдаем и в Европе, где марки известных испанских и итальянских мастеров XVI в., например, Томаса Айялы или Антонио Пичинино имитировали на всем протяжении XVII-XVIII вв.

В связи с этим для изучения исторического булата и дамаска особое значение приобретают арсеналы, в состав которых подобное оружие вошло в ранний период (XVI-XVIII вв.), собрания, формирование которых носило не случайный характер, а изначально было результатом некоего целенаправленного отбора. Важную роль играет наличие комплекса письменных источников, проливающих свет на историю поступления и бытования предметов,

позволяющих идентифицировать сохранившиеся до нашего времени экземпляры (описи, реестры и пр.).

В первую очередь к подобным арсеналам можно отнести крупные арсеналы правителей и представителей знати. Собраний, обладающих достаточно репрезентативным материалом, сохранилось не так много. Это, например, Королевский арсенал в Мадриде, в котором сохранилось восточное оружие, принадлежавшее испанским королям, художественные галереи города Дрездена, где хранится оружейное собрание саксонских курфюрстов, коллекция оружия музейного комплекса Топкапы, представляющего собой арсенал турецких султанов и ряд других.

Безусловно, в их ряду находится и собрание Оружейной палаты, историческое ядро оружейной коллекции которой составляет арсенал русских царей XVII в. Основным объектом исследования в данной работе является группа предметов булатного оружия, зафиксированная в составе царской казны в Переписной книге 1686/1687 гг. Этот источник имеет огромное значение для изучения оружейного собрания Оружейной палаты, поскольку является наиболее ранней дошедшей до нас полной и развернутой описью царского оружия и доспеха. В Переписной книге 1686/87 гг. содержатся постоянные ссылки на предыдущие не дошедшие до нас описи оружейной казны. Идентифицировать отдельные памятники по описи 1686/87 гг. позволяет верификация описаний с более поздними описями, составлявшимися на протяжении всего XVIII века, 1701, 1711, 1727, 1747, 1788 гг., вплоть до составления в 1808 г. собственно музейной описи оружия Оружейной палаты. Немало важной информации содержат и более ранние источники по истории формирования собрания: краткие и перечневые описи разных лет, роспись походной оружейной казны царя Алексея Михайловича, а также документы текущего делопроизводства Оружейного приказа.

В состав Оружейной палаты XVII в. входил как личный арсенал русских царей, оружие и доспехи придворных чинов, так и строевое оружие, исчислявшееся многими тысячами единиц. В Переписной книге обычное оружие записывалось одной строкой, например: «тысяча пятьсот семь сабельных по-

лос московского дела…. цена по десяти алтын»[2]. Предметы, обладавшие высоким статусом и ценностью, описывались индивидуально или небольшими группами при наличии какого-либо объединяющего признака (например, источника поступления). В описании фиксировались идентифицирующие признаки, например, материал изготовления, для клинка – наличие долов и насечки, и пр., в отдельных случаях отмечались имеющиеся повреждения и утраты, например, «кончик отломлен», «старая», «полосы худые ломаные». Порядок записи определялся стоимостью оружия, определявшей ее статус: например, сперва записывались сабли или палаши с золотыми оправами и каменьями, затем с оправами серебряными, затем с оправами стальными. В обязательном порядке каждый предмет оценивался, при этом из комментариев следует, что для осмотра и оценки оружия и привлекались мастера Оружейной палаты. Нередко именно они становились источником дополнительной информации о вещах. В текст описи вносились «скаски» – устные свидетельства оружейников: кто и когда делал, когда поступила в Оружейную палату и т.д. К некоторым предметам прилагались ярлыки с информацией об источнике поступления вещей.

Часть оружия поступала в царскую оружейную казну в качестве дипломатических даров, подношений монарху от русской знати или представителей национальной аристократии, иностранных купцов и торговых агентов. Все подобные дары тщательно оценивались, притом еще до поступления в Оружейную палату, в Посольском приказе, Сибирском приказе или на Казенном дворе. При передаче в Оружейное ведомство правильность оценки вещей проверялась[3].

Другой источник поступления – это закупки, производившиеся царскими посланцами за границей, например, в Турции или Иране. Для царского двора крайне актуальным был вопрос приобретения не только булатного оружия,

---

[2] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 71 об. – 72.

[3] Например: Об отсылке из Казенного приказа в Оружейную палату булатных сабельных полос и наручей стальных присланных в дарах к государю от кизылбашского шаха и от шамаханского, да от сибирских калмыцких тайшей. РГАДА Ф. 396 Оп.1 Д. 10078 Л. 1-2.

но и приглашения в Россию мастеров, владевших секретами его изготовления, равно как умеющих получать сам булат. Более подробно этого вопроса мы коснемся далее, здесь же ограничимся констатацией, что булат вывозился в Россию в виде готовых изделий, например, сабельных полос, либо в виде слитков, которых еще требовалось правильно, с соблюдением технологии, ковать, закалять и травить.

Булатное оружие ценилось при царском дворе достаточно высоко. Так, если цена обычной стальной сабельной полосы «московского дела» составляла от 10 алтын до 1 рубля 26 алтын, то булатный клинок стоил от 2 до 25 рублей. При этом на оценку клинка влиял и декор клинка – наличие золотой насечки или инкрустации камнями. Самыми дорогими из стальных полос были «две полосы сталные, одна на тевриское дело з долами, другая на черкаское дело штыком», стоившие соответственно 2 рубля 16 алтын 4 деньги и два рубля[4]. Кроме того, весьма дорогостоящими были «три полосы стальные на полской выков, на одной дол ширинской, у дву долы мелкие», оцененные вместе в четыре рубля (т.е. по одному рублю десять алтын две деньги за полосу)[5] и «две полосы сталные московское дело на литовской выков», стоившие по рублю двадцать шесть алтын по четыре деньги. В последнем случае цена может объясняться необычной формой клинков, требовавшей особого мастерства и затрат для изготовления: оба лезвия этих клинков имели волнистую форму[6]. Для сравнения можно привести цены на огнестрельное оружие. Пара западноевропейских строевых пистолетов с ольстрами в России в середине XVII в. стоила 2 рубля 25 алтын, строевой мушкет – рубль[7].

Всего по материалу изготовления в Переписной книге клинки разделены на четыре категории:

Клинки (полосы) булатные.

Клинки (полосы) демешковые.

---

[4] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 67.

[5] Там же. Л. 66 об.-67.

[6] Там же. Л. 67 об. – 68.

[7] 1659-1660 г. Приходная и расходная книги денежной казне Оружейной палаты на жалование мастерам и на разные покупки (7168) 1659-1660 г. РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д 949 Л. 16.

Клинки (полосы) красного железа.

Клинки (полосы) стальные.

Сабли и сабельные полосы не были единственным видом холодного оружия, для изготовления которого использовался булат. Булат в качестве материала боевой части (важно, поскольку булат мог использоваться и для деталей оправы), встречается у палашей и палашных полос, сулеб[8], булав, шестоперов, топоров, ножей и рогатин.

Во всех этих видах холодного оружия как материал изготовления боевой части мы встречаем те же четыре категории металла: булат, дамаск, красное железо, сталь. По ценности булат стоял на первом месте, за ним следовали, по сути как синонимы друг друга, сталь демешковая или железо красное, последнюю позицию занимала сталь[9]. Параллельное бытование терминов «сталь демешковая» и «красное железо» может объясняться их разным происхождением. Один термин содержит легенду о происхождении предмета - искаженное название города Дамаск, другой – автохтонный, указывает на красоту узора на металле. В Переписной книге присутствует пример, когда оба термина использовались по отношению к одним предметам[10].

О том, что булат был достаточно дорогим, говорит как цена булатного оружия, так и относительно небольшое его количество. Всего в Оружейной

---

[8] Относительно классификации сулеб в литературе нет единого подхода. Наиболее распространенное мнение, сулеба – род тесака или фальчиона с более коротким и широким по сравнению с сабельным клинком, с небольшим изгибом. Вряд ли можно согласиться с предположением, что сулеба – турецкая сабля «пала», которую отличает клинок Т-образного сечения с широким перпендикулярным клинку обухом. Из описаний сулеб в Переписной книге и описи оружия князя В.В. Голицына можно констатировать: клинок сулебы мог быть и булатным, и стальным немецким, с двумя долами вдоль обуха или долом ширинским и узким долом вдоль обуха. У сулебы могла быть елмань, рукоять образовывалась плащиками, соединенными с хвостовиком клепками, между рукоятью и клинком был крыж, форма которого нигде не указана. Термин, возможно, происходит от арабского «салеб» - твердый, прочный, стальной. Возможно, термин применялся в качестве прилагательного к типу сабли или тесака, отличавшихся усиленным, более тяжелым, широким и толстым клинком, предназначенным в первую очередь для рубящих и секущих ударов.

[9] В оглавлении Переписной книги (на л. 16) наряду с булатными и «демешковыми» фигурируют также «железные» полосы. В данном случае «железные» выступает как не вполне корректный синоним для стальных полос.

[10] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 68.

палате на момент составления Переписной книги 1686/87 гг. числилось 736 сабель, из которых как булатные, стали демешковой и красного железа были записаны только 31. Из 1734 сабельных полос, булатными были записаны лишь 56, демешковыми (5 полос), красного железа (5 полос), остальные – стальными или без указания материала. По цене и порядковому месту в описи можно полагать, что в большинстве случаев (были исключения) подразумеваются клинки и полосы из обычной стали.

В современном собрании из всех вышеперечисленных памятников идентифицированы лишь 17 сабель и 43 сабельные полосы с булатными клинками. Часть булатных сабель покинула собрание Оружейной палаты в конце XVII – первой половине XVIII века, когда их продолжали использовать для пожалований отличившимся царедворцам и военачальникам, казацким старшинам и ханам вассальных кочевых племен. Что же касается сабельных полос, то здесь картина обратная: дорогие булатные клинки сохранились почти все, однако часть из них на настоящий момент сложно или невозможно идентифицировать по описи 1686/87 гг., поскольку они сильно пострадали от времени, например, на них были утрачены золотая насечка и золочение. Коррозия и последующая абразивная чистка в некоторых случаях привели к полной утрате рисунка металла, и определить материал, из которого был изготовлен клинок, в настоящий момент без соответствующей химической обработки не представляется возможным.

Согласно Переписной книге в царском арсенале хранилось восемнадцать палашей и тридцать три палашные полосы, из них булатными, «демешковыми» и «красного железа» были записаны лишь семь палашей и одна полоса. В музейном собрании идентифицированы шесть палашей с булатными клинками и единственная полоса «красного железа».

Из двадцати трех булав, почти все из которых были драгоценными: золотыми, серебряными, украшенными драгоценными и поделочными камнями, лишь две были записаны булатными и еще две – «красного железа». В настоящее время идентифицированы две булатных.

Из девяти пернатов был один булатный (в современном собрании не идентифицируется).

Из одиннадцати шестоперов три были записаны булатными (один идентифицирован).

Из тринадцати топоров пять были записаны булатными. Все сохранились, в том числе две пары топоров посольских.

Из восьми ножей четыре были записаны булатными (не сохранились).

Таким образом, всего на настоящий момент в современном собрании Оружейной палаты по Переписной книге 1686/87 гг. идентифицировано четырнадцать булатных сабель (см. приложение 1) и тридцать шесть сабельных полос (см. приложение 2), две булатных булавы, один шестопер, пять топоров (см. приложение 3), шесть палашей (см. приложение 4).

Наибольшую сложность представляет идентификация именно сабельных полос – многие полосы имеют схожие описания. Как указывалось выше, в ряде случаев вещи утратили свои отличительные черты (насечку, клейма), а иногда и сам рисунок металла оказался затерт. Составителем описи холодного оружия 1885 г. Л.П. Яковлевым при идентификации полос был допущен ряд вполне объяснимых при данных обстоятельствах ошибок, что потребовало нового сравнения полос с их архивными описаниями и новой идентификации[11].

При описании сабельных полос мы встречаемся с большим разнообразием терминов и определений при обозначении материала и места изготовления оружия. Этот вопрос достаточно полно и подробно был рассмотрен в диссертационном исследовании В.С. Курмановского (Курмановский 2010), поэтому мы в данной статье коснемся лишь некоторых его аспектов.

Во-первых, к пересмотру оружейной казны и составлению Переписной книги были привлечены чины сторонних ведомств: ревизоры, специалисты в области делопроизводства, канцеляристы. Едва ли они были высокими знатоками такой специфической области, как достоинства и качество клинковой стали. Составители ориентировались на имевшиеся в их распоряжении документы, с данными которых они при составлении Переписной книги и соотносили наличествующее оружие. К мастерам Оружейной палаты за консульта-

[11] Сабельные полосы заново идентифицированы в современном собрании совместно В.С. Курмановским и В.Р. Новоселовым.

циями они, по всей видимости, обращались эпизодически, в случаях, вызывавших наибольшее затруднение. Кроме того, нет полной уверенности, что мастера, работавшие в 1680-е гг., всегда могли предоставить полную и верную информацию по предметам, изготовленным и поступившим в Оружейную палату в первой половине столетия. Поэтому, на наш взгляд, указание региона изготовления, содержащееся в описи – это в основном информация, полученная ими из предшествующих Переписной книге документов – преимущественно, описной книги 1682 г. Существенное влияние на объективность этой информации оказывала легенда предмета, а также первичная характеристика, которую вещь получала при поступлении в палату. При этом необходимо учитывать и «человеческий фактор» – возможность ошибок и неточностей, которые случаются даже при современной музейной атрибуции и работе с учетными документами.

Ситуацию, на наш взгляд, хорошо иллюстрирует запись в Переписной книге восьми сабельных полос работы иранского мастера Реджаба Али Исфаханского. По предыдущим переписным книгам эти полосы были записаны тридцать четвертыми. Очевидно, у переписчиков вызвала сомнение правильность предыдущей оценки, поскольку клинки сабельных полос были украшены золотой насечкой, а их стоимость не соответствовала порядку записи. Поэтому в качестве «эксперта» ими был привлечен сабельный мастер Прохор Иванов, который определил полосы в качестве изготовленных из булата и оценил одну полосу в 15 рублей, а остальные семь по девять рублей (Илл. 1-3). Полосы переместились на третье место по порядку записи сабельных полос в Переписной книге[12].

Это далеко не единственный случай, когда служители Оружейной палаты допускали ошибки подобного рода. Так, сабля инв. № ММК Ор-141/1-2 (Илл. 4) была записана без указания, из какой стали изготовлен клинок, хотя на нем

[12] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 62 об.

По принципу организации информации Переписная книга 1687 г. несколько отличалась от предшествующих ей описей, в которых воспроизводился порядок перечисления предметов предыдущего реестра, а вновь поступившие предметы записывались в конец главы. В Переписной книге 1687 г. порядок предметов был выстроен преимущественно в соответствии с оценочной стоимостью в порядке убывания.

Илл. 1. Полоса сабли работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-769.

Илл. 2. Желоб на обухе сабельной полосы работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-769.

Илл. 3. Насечка золотом на клинке и клеймо мастера на полосе сабли работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-769.

Илл. 4. Сабля в ножнах с поясом. Россия, начало XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-141/1-3.

достаточно отчетливо виден характерный рисунок дамаска[13] (Илл. 5-9). Подобные случаи как с сабельными, так и с палашными клинками не редкость.

Аналогичная ситуация складывалась и при определении места создания вещей. К примеру, в качестве «полосы черкасской» была записана в Переписной книге булатная полоса инв. № ММК Ор-767 (Илл. 10-12). Мы можем предположить, что на ее определение в качестве «черкасской» повлиял оформленный в виде граненого «штыка» боевой конец полосы[14]. Хотя в другом месте мы видим четыре полосы, записанных под одним номером, две из которых были «штыком», а другие две были записаны как «на черкасское дело»[15], то есть наличие «штыка» не всегда в XVII в. выступало в качестве определяющего признака черкасского сабельного клинка. В данном случае на хвостовике и клинке полосы имеются отчетливые подлинные клейма иранского мастера Кальб Али ибн Асадуллаха Исфаханского (Илл. 13-14). Наличие подобных клейм на хвостовиках других сабельных полос так же не отмечено в описи, как, например, до сих пор отчетливо видные и читаемые клейма, выбитые на хвостовиках всех одиннадцати полос работы Реджаб-Али Исфаханского (Илл. 15-16).

Однако в русских описях XVII в. на оружии далеко не всегда фиксировалось само наличие арабоязычных надписей. К исключительно редким относятся случаи, когда на иранских клинках присутствует русскоязычная надпись об их происхождении[16]. Так, например, в описи оружия князя В.В. Голицына были записаны «три полосы булатные, в том числе две с обе сто-

---

[13] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 51 об.

[14] Возможно, что помимо наличия «штыка» (или не благодаря ему вообще) на определение полосы как «черкасской» могли повлиять другие факторы – например общий абрис и пропорции, отсутствие елмани, особенности долов. Оформление конца «штыком» в Описи отмечено также и у «тевризской», одной «кизылбашской» полосы, многих полос без указания происхождения.

[15] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 69 № 38.

[16] В собрании Государственного Эрмитажа хранятся два иранских клинка с русскими надписями XVII века «сделана в Испахане лета 7185» (Ленц Э.Э. Императорский Эрмитаж. Альбом изображений выдающихся предметов из собрания оружия. Табл. XXV, А. 41 и (Kwaśniewicz 1988, 58)).

Илл. 5. Эфес и фрагмент клинка сабли. На клинке видны рисунок дамасска.

Илл. 6. Эфес и фрагмент клинка сабли. На клинке видны рисунок дамасска и поддельные клейма «зубчатые серпы».

Илл. 7. Рисунок дамасска на боевом конце сабельного клинка.

Илл. 8. Рисунок дамасска на боевом конце сабельного клинка.

Илл. 9. Структура металла на обухе сабельного клинка.

Илл. 10. Полоса сабли работы мастера Кальб-Али ибн Асадуллаха. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-767.

Илл. 11. Рисунок булатной стали на клинке сабельной полосы.

Илл. 12. Рисунок булатной стали на клинке сабельной полосы.

Илл. 13. Клейма мастера на хвостовике полосы.

Илл. 14. Насеченная золотом подпись мастера на клинке полосы.

Илл. 15. Клеймо мастера Реджаба-Али Исфахани на сабельной полосе. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-788.

Илл. 16. Узор булатной стали на сабельной полосе работы мастера Реджаба-Али Исфахани.

роны по два долика, один долик с перерывками, на правой стороне наведено золотом слова и подписаны: зделаны те сабли в Ыспохане в лето 7194, одна в июля 30 день, другая в августа 25 день»[17].

У русских сабельных мастеров отсутствовала система клеймения своих изделий. Встречающиеся крайне редко клейма и подписи мастеров-клиночников на русском клинковом оружии XVII в. мы можем считать скорее исключением, нежели правилом. Нам в собрании Оружейной палаты известно лишь два таких примера – клеймо и подпись на клинках, которые

[17] Книга приходная, что по памятям из приказов розыскных дел принято в Оружейную палату 198 года. Описное имение князей Голицыных РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Л. 27 №№ 1-3.

можно определить в качестве русских[18] (Илл. 17). На некоторых предположительно русских полосах мы встречаем имитации некоторых известных клиночных марок, например, зубчатых серпов или «гурды»[19] (Илл. 18), но при этом мы затрудняемся сказать, были ли эти заимствования сделаны под восточным или западным, например, польско-венгерским влиянием, поскольку эту марку, происходящую из Генуи, копировали на своих изделиях и турецкие, и кавказские, и восточноевропейские и немецкие мастера. Еще одно клеймо в виде двуглавого орла, выбитое на хвостовике полосы инв. № ОР-1365 (Илл. 19) мы считаем приемным клеймом Оружейной палаты, т.к. подобные клейма «двуглавый орел» мы встречаем на некоторых образцах огнестрельного и холодного оружия, находившегося в Оружейной палате в XVII в. Казенным двуглавым орлом в это же время также клеймились свинцовые пломбы, которые подвешивались к панцырям и кольчугам.

Илл. 17. Клеймо на пяте клинка сабельной полосы. Россия, Москва, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1400.

[18] Инв. № ММК ММК Ор-136/1-3; ММК Ор-1400.

[19] Следует, однако, отметить, что подобное клеймо на этих клинках коррелирует с «польским», «угорским» или «литовским» образцом «выкова». (ММК ОР-141; ММК Ор-1362; ММК Ор-1397; ММК Ор-1398).

Илл. 18. Поддельное клеймо «зубчатые серпы» на сабельной полосе. Россия (?), XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1362.

Илл. 19. Клеймо на хвостовике сабельной полосы. Россия, Москва, Оружейная палата, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1365.

На наш взгляд, регион, указываемый при первичном описании холодного оружия, может отображать как место, откуда оно привозилось или где приобреталось (т.е. оно было привезено, например, послом или купцом из Турции), так и то место изготовления, которое указывало лицо, передававшее его в царскую казну. Кроме того, клинки из разных регионов обладают разными четко выраженными морфологическими признаками. В этом случае термины «на турское дело», «на турский выков» могут отображать то, что клинок или полоса по своей конструкции (изгибу, елмани, долам и т.д.) напоминает турецкий, но откован он мог быть в совершенно ином регионе. Всего в Пере-

писной книге в отношении оружия из булата и «демешковой» стали (или «красного железа») мы встречаем указания на несколько таких центров:

Тевризские и кизылбашские клинки – очевидно, с территории Ирана.

Турские – т.е. турецкие.

Черкасские – то есть кавказские, предположительно черкесские[20].

Египетская – такая сабля записана только единожды. На серебряном приборе ножен выбиты турецкие тугры (Египет входил в состав Османской империи).

Булатные сабли и полосы по Переписной книге распределяются следующим образом:

Сабли «турские булат красной» - 4.

Сабли «булат красной турской выков» – 10.

Сабли «булат красной турское дело» - 1.

Полосы сабельные «турское дело булат красной» – 5.

Полосы сабельные «турской выков» - 2.

Полосы сабельные «на турской выков» - 2.

Сабли «булат красной кызылбашской выков» - 4.

Полосы сабельные «булат красной кизылбашской» – 2.

Полосы сабельные «кизылбашской выков» - 20.

Полосы «булатные кизылбашские» - 7.

«Кызылбашской выков» – сабель 4, полос – 29.

Сабли и полосы тавризские (выков и дело) сабель - 0– полоса – 1.

Сабли и полосы просто булатные – сабли – 3, полосы – 16.

Сабли и полосы «булат красной» – сабли – 4, полосы – 0.

Сабля «египетская булат красной» – 1.

Сабля «булат красной выков на литовское дело» - 1.

Сабля полоса «булат красной на литовское дело» - 1.

Сабля полоса «булат красной на польской выков» - 1.

Полоса булатная «на польской выков» - 1.

[20] Термин «черкесы» в данном случае употреблен в широком значении, поскольку в документах XVII в. под «черкесами» скорее всего понимались адыгоязычные народы Северного Кавказа (в современной терминологии к ним относятся адфгейцы, черкесы и кабардинцы).

Сабля полоса «булат красной выков черкасской московское дело» - 1.

Полоса «булатная черкасская» - 1.

По происхождению булатные полосы, хранившиеся в XVII в. в Оружейной Палате, оказываются преимущественно «турскими» и «кизылбашскими». Облик и тех и других достаточно характерен. «Кизылбашские», т.е. иранские, клинки в большинстве своем имеют относительно сильный или средний изгиб и сравнительно узкий нераскованный боевой конец без елмани. Конец клинка может быть обоюдоострым, но чаще однолезвийный. Долы в большинстве случаев отсутствуют. Характерно «каплевидное» сечение клинка со скругленным обухом. От хорошо известных персидских сабель XVIII-XIX вв. – «шамширов» эти клинки в первую очередь отличаются меньшим изгибом.

«Турские» полосы отличаются высокой степенью стандартизации. Они имеют сравнительно небольшую елмань, образованную постепенным расширением клинка от области максимального сужения в средней части к конструктивно подчеркнутому концу обуха, у которого контур клинка образует четкий перелом. Длина елмани составляет около 240-250 мм, максимальная ширина елмани у клинков первой половины XVII в. (составляющих большинство сохранившихся в комплексе, зафиксированном Описью 1687 г.) примерно на 1 мм больше ширины пяты клинка, колеблющейся в пределах 33-39 мм, у более поздних клинков середины – второй половины столетия максимальная ширина елмани равна или незначительно меньше ширины пяты клинка. Кривизна клинка по лезвию составляет порядка 90 мм. Наиболее распространенные варианты сечения клинка – треугольное без долов, либо один широкий дол, часто «ширинский», занимающий большую часть площади клинка.

Другие формы булатных сабельных клинков встречаются реже. Полоса ММК Ор-767 – «булатная черкасская з долами штыком» (несущая, однако, иранское клеймо) - характеризуется «аномально» большой длиной клинка (1035 мм), пропорционально небольшим изгибом, отсутствием елмани при наличии обратной заточки и длинным стержневидным острием подквадратно-ромбического сечения. На каждой стороне клинка помещаются четыре неширокие дола, имеется прилежащий к эфесу участок (собственно «голомя»

в терминологии XVII в.) с гладкой поверхностью. В целом аналогичную форму имеют ряд других «полос штыком» из Оружейной Палаты, для некоторых из них имеются указания на «черкасский» образец выкова. Достаточно близкую аналогию представляют клинки сабель из позднесредневековых северокавказских курганов[21]. В собрании Оружейной палаты имеется также ряд клинков близких очертаний, но имеющих более или менее выраженную небольшую елмань. Следует отметить, что «полосы штыком» с елманью в Описи 1687 г. ни разу не отождествлены с «черкасским» образцом выкова.

Другую форму полос со «штыковидным» концом представляет «тевризская» булатная полоса ММК Ор-1408 (Илл. 20). Она также имеет удлиненное ромбическое в сечении острие, «голомя», не имеет четко выраженной елмани. На каждой стороне помещается по два дола, окаймленных «опушкой», ближайший дол к обуху оформлен «с перерывцами». При этом клинок имеет стандартную длину (872 мм), в сравнении с клинком ММК Ор-767 и близкими к нему выглядит коротким, широким и сильно изогнутым.

Весьма специфичны оказываются иранские клинки с елманью, основную часть которых в коллекции составляют полосы работы Реджаб-Али Исфаханского. Характерно, что составители описи затруднились определить их происхождение или образец выкова. Эти клинки имеют более или менее выраженную елмань, детали оформления которой у каждого конкретного клинка несколько различаются. В целом, у большинства из этих полос елмань образована расширением клинка со стороны обуха под острым углом, причем обух сходит на нет не резко, как у большинства клинков с выраженной елманью, а довольно плавно. Другая их особенность – смещение острия от линии обуха к средней линии клинка. Один из клинков работы Реджаб-Али (Инв. №

Илл. 20. Полоса сабли. Иран, Тебриз, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1408.

[21] См. напр. (Курмановский 2014, 150-162).

ММК Ор-1413) имеет незначительно расширенный обоюдоострый конец, фактически не выделенный конструктивно (Илл. 21-25). На этом же клинке прослеживается один неширокий дол с «опушкой» и паз, в котором катались «жемчужины». Один узкий глубокий дол для «жемчужин» имела также полоса Инв. № ММК Ор-788 (Илл. 26-28). Прочие подобные клинки имели клиновидное сечение со скругленным обухом без долов. Характерно также наведенное золотом «голомя».

Встречающиеся в Переписной книге определения сабельных клинков и полос из булата и из «красного железа» как «турских» (турецких), «кизылбашских» (иранских), «на польский выков», на «литовское дело», на наш взгляд, относятся не столько к месту изготовления, сколько к типу клинка, его морфологическим признакам[22].

Илл. 21. Полоса сабли работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-1413.

Илл. 22. Клейма на хвостовике, золотая насечка и прорезной желоб - паз для «жемчужин» на клинке полосы. На конце хвостовика около скважины выбито круглое клеймо с двуглавым орлом – приемное клеймо Оружейной палаты.

[22] Термин "на дело" и "дело" с указанием конкретного региона - это разные понятия. Когда пишется, например, "турское дело" - это прямое указание на место изготовления, в данном случае в Турции, как это видится составителям описи по их сведениям, а вот "на турское дело" - значит только то, что своими морфологическими признаками клинок похож на изготовленный в Турции, но при этом мог быть сделан в другом месте.

Илл. 23. Рисунок булатной стали на клинке в его нижней части.

Илл. 24. Рисунок булатной стали на клинке у начала елмани.

Илл. 25. Рисунок булатной стали на клинке в его средней части.

Илл. 26. Полоса сабли работы мастера Реджаба-Али Исфахани. Иран, Исфахан, 1-я пол. XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-788.

Илл. 27. Рисунок булатной стали на клинке в его средней части.

Илл. 28. Рисунок булатной стали на боевом конце клинка.

Для других видов холодного оружия мы в целом отмечаем ту же картину, что и для сабельных клинков. По-прежнему среди центров, откуда происходит булатное оружие, остаются Турция и Иран, хотя в отношении другого клинкового оружия – палашей и сулеб – место происхождения ни разу не указывается, за исключением турецкого палаша с дамассковым клинком с

изображением битвы дракона и феникса, который в Переписной книге назвали палашом «немецкого дела» (инв. № ММК Ор-4440/1-2) (Илл. 29). В собрании Музеев Московского Кремля есть похожий палаш с почти полностью аналогичным по форме и декору клинком явно восточного, а именно, судя по многочисленным дошедшим до нас во многих музейных собраниях аналогам,

Илл. 29. Палаш с ножнами и шнуром для подвески. Турция, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-4440/1-3.

Илл. 30. Палаш с ножнами и шнуром для подвески. Турция, XVII в. инв. № Ор-194/1-2.

Илл. 31. Эфес и золочение на клинке.

Илл. 32. Узор булатной стали на средней части клинка палаша. По центру клинка следы травленых надписей и декоративных элементов, утративших золочение.

Илл. 33. Узор булатной стали на боевом конце клинка палаша. По центру клинка следы травленых надписей и декоративных элементов, утративших золочение.

турецкого происхожения, украшенным с внешней стороны схожим изображением битвы дракона с птицей-фениксом (инв. № ММК ОР-194/1-2) (Илл. 30-33). В Переписной книге полоса палаша инв. № ММК Ор-194/1-2 записана как булатная, в то время как полоса второго, якобы «немецкого» палаша, записана просто стальной, хотя на ее клинке четко читается узорчатая сталь, по нашему мнению, по своему рисунку являющаяся скорее дамасской, нежели булатной. На наш взгляд, причиной этого стало то, что «немецкий палаш» прибыл в качестве дара от польского посольства и, возможно, был ошибочно назван немецким в документах Посольского приказа, выписка из которого перекочевала в документацию Оружейной палаты.

К сожалению, до нас не дошла единственная упоминавшаяся в описи сулеба с булатным клинком, равно как не дошли и пять булатных сулеб и булатная сулебная полоса, принадлежавшие князю В.В. Голицыну и в 1689-90 гг. взятые в Оружейную палату[23]. Не дошло до нас ни одного булатного ножа из царского собрания Оружейной палаты XVII в. Сохранился лишь единственный предмет, записанный как «кинжал», (начиная с Описи 1880-х гг. называемый подсаадачным ножом), принадлежавший князю Андрею Ивановичу Старицкому и датируемый по дате на клинке 1513 г. В Переписную книгу 1686/87 гг. его клинок был записан как стальной, хотя в росписи оружейной казны царя Михаила 147 (1638/39 гг.) года металл клинка был определен как «булат синей»[24]. К сожалению, в настоящий момент мы не можем определить из какой стали, обычной, дамасской или булатной, изготовлен клинок этого уникального русского боевого ножа начала XVI в., но в случае проведения дополнительного металлографического анализа именно он может стать ключом к пониманию различия между «булатом красным» и «булатом синим».

Среди копий в царской оружейной казне булатных на момент составления Переписной книги 1686/87 гг. не было, зато были перечислены 6 копий из красного железа. Из тридцати двух рогатин лишь четыре были записаны

[23] Книга приходная, что по памятям из приказов розыскных дел принято в Оружейную палату 198 года. Описное имение князей Голицыных РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 938. Лл. 33 об -35.

[24] РГАДА Ф. 396 Оп.1 Д. 2948 Роспись оружейной казны ц. Михаила Федоровича на 13 листах гг. Л. 6.

стальными, из остальных 4 были булатными и 24 красного железа. Из них в современном собрании сохранились три булатных рогатины (инв. №№ ММК Ор-57 (Илл. 34), ММК Ор-888 (Илл. 35), ММК Ор-889) и четыре рогатины «красного железа» (инв. №№ ММК Ор-60, ММК Ор-61 ММК Ор-891 (Илл. 36) и ММК Ор-892). Среди первых и рогатина тверского князя Бориса Александровича (инв. № ММК Ор-57), относящаяся ко второй четверти XV в., которую следует признать древнейшим в собрании Оружейной палаты образцом русского холодного оружия, сделанного из булата. В описи она была записана как «рогатина булат красной, тулея обложена серебром резным золоченым, резаны травы, и люди, и птицы, на тулье на краю две строки под пись: рогатина великого князя Бориса Александровича»[25]. В настоящий момент рисунок булата на рогатине визуально не определяется.

К неразрешенным до сих пор относится вопрос о работе с булатом русских мастеров в XVII столетии. Особенностью историографии, посвященной булату и оружию из булата, изготовленному в России, можно считать то, что изучение вопроса с самого начала находилось более в фокусе внимания специалистов-металловедов, чем собственно историков.

Мы оставляем за рамками данной статьи вопрос о так называемом «харалуге», упоминаемом в «Слове о полку Игореве», который многие исследователи вслед за традицией XIX в. называют булатом. Отметим только, что выдающийся отечественный оружиевед В.В. Арендт, специально изучавший вопросы технологии изготовления древних клинков, еще в 1934 г. категорически отверг версию о том, что под названием харалуг в источнике подразумевался булат (Арендт 1934, 335-342).

С нашей точки зрения, нет никаких оснований отождествлять булат и «харалуг», поскольку у нас нет ровным счетом никаких письменных и материальных источников, хотя бы косвенным образом подтверждающих, что термин «харалуг» вообще обозначает какой-либо вид оружейной стали, булатной или дамасской. Хочется обратить внимание интересующихся данным вопросом на лингвистический анализ слова «харалуг», данный еще В.Ф. Ржи-

[25] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 201 об.

гой и С.К. Шамбинаго, двумя известными публикаторами «Слова о полку Игореве». Они обратили внимание на сложность фонетического характера перехода начального «к» в «х» в случае, если слово «харалуг» происходит от тюркского слова «кара» (черный) в соединении с суффиксом «луг». В случае

Илл. 34. Наконечник рогатины. Россия, 1426-1461 гг. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-57.

Илл. 35. Наконечник рогатины. Россия, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-888.

Илл. 36. Наконечник рогатины. Россия, XVII в. Музеи Московского Кремля. инв. № Ор-891.

если «харалуг» означает металл, странной становится образность фразы из «Слова о полку Игореве» «ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузе скована, а въ буести закалена». Из анализа текста этой фразы и на основании ряда других предположений Ржига и Шамбинаго пришли к выводу о том, что слово «харалуг» происходит от арабского слова «хараба» в соединении с суффиксом «лиг» - «хараблиг», означающим гибель, разрушение. В этом случае «меч харалужный» означает меч гибельный, разрушительный (Слово о полку Игореве 1961, 327-328). Стоит отметить, что в скандинавской традиции в сагах в отношении мечей используются эпитеты «прут убийства», «погибель человека», «огонь раны», «губитель щитов» и т.д. Подобную традицию эпитетов меча мы встречаем и у арабов, называвших мечи «тенью смерти», «клыком судьбы», «отцом ужаса» (Средневековая андалузская проза 1985, 368-369).

До сих пор в России нет ни одной крупной работы, которая была бы посвящена исследованию бытования булата в России XV-XVII вв. Известная работа П. Винклера «Оружие» в своем «русском» разделе как в текстовой, так и в иллюстративной части фактически полностью воспроизводит 1 том изданного в 1841 г. «Исторического описания одежды и вооружения российских войск» А.В. Висковатова (Висковатов 1841). На иллюстрациях достаточно легко опознаются многие памятники из собрания Московской Оружейной палаты. В главе, посвященной главнейшим оружейным коллекциям, характеристике Московской Оружейной палаты отведен один короткий абзац самого общего содержания (Винклер 1992, 312-313). У нас вызывает большое сомнение, знакомился ли Винклер с коллекциями Оружейной палаты лично, в музейном архиве никаких данных о допуске Винклера к работе с историческими памятниками на настоящий момент не выявлено.

Действительно, уже в 1885 г. был издан том описей Московской Оружейной палаты, посвященный холодному оружию, составленный в основном уже к 1862 г. Л.П. Яковлевым. Именно им на основе изучения и сопоставления предыдущих описей Оружейной палаты и другой архивной документации за XVII-XIX вв. были предложены первые атрибуции предметов оружия и вооружения, которые мы можем считать научными. При этом Яковлев не был

историком. Он был военным: штабс-капитан лейб-гвардии Финляндского полка Лукиан Павлович Яковлев был зачислен в Оружейную палату на должность помощника директора в чине майора приказом от 12 июля 1860 г. Не имея базового исторического образования и опыта работы с историческими источниками, он за период 1860-1868 гг. проделал титаническую работу по составлению описей оружия и знамен Оружейной палаты, снабдив свои описания обширными комментариями со ссылками на целый корпус архивных документов, в первую очередь всех описей оружия, составлявшихся между 1686/87 и 1835 гг. Безусловно, в исследованиях ему ассистировали опытные архивисты, помогавшие с разбором архива Оружейной палаты и с поиском источников. В течение краткого периода, пока тяжелое заболевание не прервало его труды, Л.П. Яковлев успел написать рукопись описи холодного оружия Оружейной палаты, издать опись знамен музея, закончить опись брони и приступить к описи огнестрельного оружия кремлевского собрания. Только за два года, к моменту завершения работы над описью холодного оружия, занимаясь одновременно экспозиционной, реставрационной работой и хранением коллекции, Л.П. Яковлев систематизирует свои знания и пишет более двух тысяч новых описаний памятников, каждое из которых является серьезным историческим и архивным исследованием (Смирнова 1973, 34, 36). Безусловно, при столь глобальном объеме работ Яковлев иногда допускал ошибки, неправильно идентифицировал те или иные предметы оружия, но все эти огрехи никоим образом не умаляют его научных заслуг, вряд ли профессиональный историк сделал бы на его месте большее.

Можно предполагать, что Л.П. Яковлев был большим любителем оружия, отлично разбирался как в сложных технических системах, так и в качестве отделки. В современном собрании Музеев Московского Кремля сохранилась иранская сабля шамшир, принадлежавшая самому Яковлеву[26]. Возможно, он интересовался булатом и его разновидностями. Однако из текстов его описаний, в отличие от вышедших уже значительно позднее публикаций Э.Э. Ленца, работавшего с коллекцией оружия Эрмитажа, мы не можем делать выводов, различал ли Яковлев сорта булата, ясно ли представлял себе отличия бу-

[26] Инв. № ММК Ор-4504/1-2.

латного и дамаскового оружия. Насколько мы можем судить, сам Ленц не был знаком с коллекцией Московской Оружейной палаты и не использовал ее памятники в качестве аналогов для атрибуции оружия из собрания эрмитажного Арсенала (Ленц 1908), хотя и ссылался на аналоги из собрания Московской Оружейной палаты при публикаци коллекции оружия графа С.Д. Шереметьева, но проводил он эти аналогии не по самим памятникам, а по их описаниям в описи холодного оружия Московской Оружейной палаты, опубликованной в 1885 г. (Ленц 1895). В свою очередь составитель этой описи Л.П. Яковлев далеко не всегда правильно разбирал текст архивных документов и понимал их смысл, но при таком огромном объеме работы не приходится удивляться относительно редким случаям его невнимательности, вызванной, возможно, усталостью и перенапряжением. Иногда, очевидно, ему просто не хватало исторических знаний и осторожности современного исследователя для трактовки формулировок источников.

Это относится, в том числе, и к оружию из булата. Например, там, где в тексте Переписной книги 1686/87 гг. было написано «полоса булатная», Яковлев уверенно писал «полоса русская, XVII века, булатная, турецкого образца», несмотря на то, что на хвостовике полосы частично сохранилось выбитое клеймо с арабской надписью[27]. Часто Яковлев записывал в качестве русских полосы, у которых в Переписной книге не было указано место производства, но было указано «на какой выков», т.е. по какому образцу они сделаны, видимо, априорно считая, что если сделано, например, не в Турции или Иране, но на «турский» или, скажем, на «кизылбашский» выков, это сделано именно в России. Всего в качестве русских булатных Яковлевым были обозначены шесть сабельных полос и клинки пяти сабель.

Таким образом, на основании описи холодного оружия Оружейной палаты 1885 г. можно было сделать вывод о существовании ряда булатных клинков русской работы. Следующий шаг в теме русского булата был сделан В.Ф. Железновым, написавшим статью «Исторические сведения о булатах в Рос-

[27] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 62 № 2; Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Книга 3 Холодное оружие. М. 1885. С. 233-234. № ОП 6031.

сии», изданную в качестве приложения к статье Н.Т. Беляева «О булатах» в 1906 г. (Железнов 1906). Владимир Феофилактович Железнов был потомственным дворянином, посвятившим себя военной службе, окончил Оренбургское казачье юнкерское училище и был произведен в офицеры в комплект Уральских казачьих полков в 1884 г.[28] Однако помимо военного, он имел и историческое образование, в 1903 г. он окончил Санкт-Петербургский Археологический институт. Его работу отличает исследовательская добросовестность, желание опереться на опубликованные к тому времени письменные исторические источники. В частности, он ссылался на публикации источников Н.И. Веселовским (Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией), публикации «Актов исторических», собранных и изданных Археографической комиссией в 1841-1842 гг., А.Е. Викторова «Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов 1584-1725 г.» и И.Е. Забелина «Домашний быт русских царей». В работе Железнова неоднократно встречаются и ссылки на материалы Описей оружия Московской Оружейной палаты, в частности тома, посвященного холодному оружию. Собственно, собранные Железновым и приведенные им в этой статье исторические сведения и ссылки на источники далее будут до нашего времени перекочевывать из одной публикации, посвященной булату в России, в другую.

Железнов отнес первое упоминание булата в России к 1504-1505 гг., сославшись на духовную грамоту князей Ивана и Федора Волоцких, где была упомянута «одна сабля булатная гирейская» (Ук. соч., 40) (О более раннем упоминании булата в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина, путешествие которого в настоящий момент датируется 1471-1474 гг. (Словарь книжников и книжности Древней Руси 1988, 82), Железнов, очевидно, не знал. Описывая Индию, Афанасий Никитин упоминал слонов, облаченных в булатные доспехи (Изборник. Повести Древней Руси. 1986, 288)). Далее, по мнению Железнова, в источниках упоминания о булате пропадают до правления царя Федора Ивановича, в которое в качестве «поминков» от персид-

[28] Железнов В.Ф. принимал участие в Первой мировой и Гражданской войнах, умер в 1920 г. В 1805 г. был призведен в полковники, в 1916 – в генерал-майоры, поочередно командовал 1 и 2 бригадами Уссурийской конной дивизии.

ских послов в царскую казну попадают булатные сабли и полосы, а также шлем, щит, наручи и нож.

После Смутного времени, по утверждению автора, в русских документах появляется дифференциация булатных клинков: кашанский, ширязский и кизылбашской – Железнов, понимая, что клинки названы по месту своего изготовления, затруднялся указать, в чем могла быть разница между ними. На наш взгляд, причиной этого было то, что Железнов пытался притянуть эти обозначения к сортам булата, а не к типу клинка, он не учитывал, что сабельные полосы помимо материала (булата) могли отличаться друг от друга и своей конструкцией (шириной клинка, изгибом, отсутствием или наличием елмани и долов, и т.д.). К первой половине XVII в. Железнов относил первые упоминания об изготовлении оружия из булата в России: сведения об изготовлении «ножевным» мастером Богданом Игнатьевым ножей из булата и зерцал булатных мастером Дмитрием Коноваловым, почерпнутые им у Викторова (Железнов 1906, 43).

Самих архивных источников Железнов явно не читал, используя только заголовки дел, опубликованные Викторовым. Отсутствие работы непосредственно с архивными документами, а также составленных на основе личных наблюдений описаний вещей из собрания Оружейной палаты, станет общей чертой большей части литературы, посвященной «русскому булату», и породит все дальнейшие спорные гипотезы и утверждения.

Так, например, Железнов писал о желании царя Алексея Михайловича завести в России производство булата, для чего он пытался послать учеников для обучения изготовлению сабельных полос и панцырного дела. Но Железнов знал только опубликованные в «Актах исторических» письма царя Алексея Михайловича Астраханскому воеводе князю Черкасскому от 30 июня 1660 г. и 24 апреля 1661 г., в которых содержалась просьба найти мастеров – «булатного сабельного дела сварщиков», чтобы они обучили русских учеников своему мастерству, но совершенно не знал результатов этого дела. Тем не менее, он сделал очень смелый вывод: «что труды царя Алексея Михайловича не пропали даром, видно хотя бы из той массы всевозможного оружия из булата, дошедших до нас и сохраняемых в Оружейной палате работ русских

мастеров» (Указ. соч., 44). Этот тезис о влиянии, оказанном посылкой учеников в Астрахань на изготовление булатного оружия в России, встречается и в современной научной литературе (Малоземова 2017, 162).

Действительно, в начале 1660-х гг. руководством Оружейной палаты был предпринят ряд шагов, направленных на восполнение острого дефицита специалистов, способных изготавливать сабли и доспех высокого достоинства. В 1660 г. из Оружейной палаты в Астрахань была отправлена группа учеников «для учения булатных сабельных полос и панцирей». Им были выданы деньги на проезд, определена плата за время обучения и жалование мастерам, у которых они должны были обучаться (Ларченко 1984, 186).

Понимая, что быстрого эффекта от этого шага ожидать нельзя, руководство ведомства в 1661 г. обратилось к астраханскому воеводе князю Григорию Сунчелеевичу Черкасскому с товарищами, потребовав прислать в Москву «черкас пансырного дела самых добрых мастеров, да булатного сабельного дела сварщиков самых добрых мастеров». Оружейников предписывалось уговаривать, обнадеживая государевой милостью. «По нашему великого государя указу велено дать поденного корму пансырного и булатного дела мастером по 16 алтын на день. А то им, мастером, наш, великого государя, указ велено сказать, как они, мастеры, по нашему, великого государя, указу будут на Москве и мы, великий государь, мастеров пожалуем, велим им ученить свое государево годовое полное жалование и корм болшой. А как они, мастеры, похотят в свои домы, и мы, великий государь, их, мастеров, пожалуем, велим их отпустить в свои домы по прежнему»[29]. Однако, несмотря на троекратную посылку грамот воеводе, сабельные мастера «черкасы» в Оружейной палате так и не появились.

В 1664 г. в Москву из Астрахани прибыли ученики панцирного и сабельного дела. Группа состояла из восьми сабельников и трех человек «пансыр-

[29] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д.7714 О призыве в Москву из Астрахани мастеров панцирного, укладного сварочного дела Л. 1.

РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д.7849 Грамота в Астрахань воеводе кн.Г.С. Черкасскому о высылке в Москву панцирного, булатного сабельного дела сварщиков лучших мастеров Лл. 1-2.

РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 8004 Грамоты в Астрахань к кн. Г.С. Черкасскому о присылке в Москву черкас мастеров пансырного дела, сварщиков да булатного сабельного. Лл. 1-4.

ного дела». Из числа отправленных из Москвы в 1660-м г. среди них оказались лишь двое - «сабельного дела» Иван Анисимов и «пансырник» Якубка Яковлев[30]. Остальные, насколько позволяют судить выявленные документы, были ранее «прибраны» воеводой кн. Г.С. Черкасским в Астрахани и определены в ученики к местным мастерам[31]. Однако руководство Оружейной палаты ожидало разочарование. «В расспросе» восемь учеников сабельного дела сообщили: «учились они в Астрахани у черкашенина у Елчека Казакова сабелному черкаскому делу. К полосе черкаской булатной краску припускают, делают они ножны с оправою медною по черкаски, и в лице поставят и вычистят, а полос булатных они не делают». А трое «пансырного дела» сказали: «новых пансырей они не делают, а починяют старые, а иного дела, опричь того, ничего не делают»[32] (Тальман 1948, 81). Не принесла успеха и попытка в 1662 г. пригласить непосредственно из Персии панцирных и сабельных мастеров, «которые умели [бы] булатные и железные сабли заваривать доброю кизылбашскою и черкескою заваркою <…> чтоб и на Москве научить учеников»[33].

К мастерам, делавшим булатное оружие, ссылаясь на описи Московской Оружейной палаты, Железнов причислил Тренку Акатова, указав, что тот изготовил две булатные сабли, Федора Константинова, сделавшего царю в 1643 г. бахтерец и бутурлыки из красного булата, Кузьму Плотникова, делавшего в 1643 г. из красного булата копье калмыцкое и мисюрку, Дмитрия Рожка, сделавшего булаву из красного булата (Железнов 1906, 44). В этом списке мы также видим явные ошибки, происхождение которых сложно понять: по описи холодного оружия Оружейной палаты были записаны не две сабли, а две сабельных полосы работы Тренки (Терентия) Акатова, при этом

[30] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 9036 Об отсылке из Казанского дворца в Оружейную палату сабельных и панцирного дела учеников Л. 3.
[31] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 9036 Об отсылке из Казанского дворца в Оружейную палату сабельных и панцирного дела учеников. Лл. 1-5.
[32] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 9036 Об отсылке из Казанского дворца в Оружейную палату сабельных и панцирного дела учеников. Лл. 4-5.
[33] РГАДА Ф. 77 Оп. 1 Д. 14 Книга содержащая отправление в Персию посольства Милославского 1662 г. Лл. 265-265 об.

обе были записаны как стальные[34]. Самих полос автор явно не видел: одна из них, записанная в описи под № 6033, как убедительно доказал В. Курмановский (Курмановский 2010, 156-157), не соответствует своему описанию в Переписной книге, где написано, что она сделана «на польский выков», что не соответствует конструкции полосы, атрибутированной Яковлевым как работы Тренки Акатова. Аналогичным образом обстоит дело и с двумя другими мастерами: Кузьмой Плотниковым и Дмитрием Рожком.

Мастер Кузьма Иванов сын Плотников (он же Кузьма Туленин) был принят в Оружейную палату в марте 1657 г. В своей челобитной он сообщает: «по твоему, великого государя, указу и по грамоте взят я, холоп твой, с Тулы к тебе, государю, к Москве в Ружейную палату. И сделал я, холоп твой, здесь, на Москве, тебе, великому государю, саблю красного железа, да я ж, холоп твой, зделал в твою государеву казну два копья, да гратик краснова ж железа, да я ж, холоп твой, зделал тебе, великому государю, турской красного железа ствол»[35]. 31-го марта по приказу окольничего и оружничьего Богдана Матвеевича Хитрово Кузьме дано было жалования «в приказ тульскому мастеру Куземке Плотникову рубль. Принес полосу сабельную на черкасское дело»[36]. Таким образом, в документах речь идет не о булате, а о красном железе, т.е. дамасской стали, с которой, безусловно, работал Кузьма Плотников.

Расходные записи Оружейного приказа 1657 г. подтверждают слова Кузьмы и содержат сведения о других работах тульского мастера: «Марта в 20 день тулскому мастеру Куземке на уголье десять алтын. Велено зделать полосу красного железа на черкаское дело. Июня 15 тулскому стволному мастеру Куземке Плотникову на железо и на уголье тринатцать алтын две денги. Велено зделать полосу сабелную красного железа. Июня в 16 день тулскому стволному мастеру Куземке Плотникову на железо, и на уголье, и на уклад рубль шеснатцать алтын четыре денги. Да ему ж, Куземке, вместо корму гос-

[34] См. №№ 6033 и 6034 в Описи Московской Оружейной палаты (Опись Московской Оружейной палаты 1885, 235-236).
[35] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 5793 Челобитные Старокузнецкой слободы замочных мастеров о выдаче им годового денежного жалования и кормовых денег. Л. 5, 7.
[36] Ф. 396 Оп. 2 Д. 947 Расходная книга денежной казне Оружейного приказа на окладное и неокладное жалование мастерам и на покупку для их работ разных материалов и припасов 7165 (1656-57) гг. Л. 83.

ударева жалования рубль. Велено ему делать полосу красного железа да рогатину»[37].

Если в штате придворной оружейной мастерской - Бронного приказа в начале 1570-х гг. среди более чем ста оружейников высшее положение занимали мастера, делавшие доспех и сабли, то в росписи ремесленников Оружейной палаты 1645 г., присягавших царю Алексею Михайловичу, первыми написаны самопальные мастера (Альшиц 1949, 14). Четвертое место после Никиты Давыдова, Григория и Кондратия Вяткиных, занимал Дмитрий Роговик (Рожков, Рошков). О последнем мастере известно, что он работал и с холодным, и с огнестрельным оружием. В документах упоминаются наводная рогатина, наводная красного железа булава, а также пищаль «Дмитриева дела Рожка»[38].

Булава очень четко описана в Переписной книге Оружейной палаты: «Булава красного железа Дмитриева дела Рошка, сделана з долы, через дол наведено золотом, черен оправлен серебром белым и золоченым, делана при боярине князе Борисе Александровиче Репнине»[39]. В современном собрании Музеев Московского Кремля эта булава не идентифицируется, дошедшей до нас работой Д. Рожка считается ножевая полоса, которую в XIX в. соединили с рукоятью индийского кинжала (инв. № ММК Ор-3889/1-2): «железцо ножевое красного булату Дмитриева дела Рожка»[40] (Илл. 37). Нынешнее состояние клинка не позволяет определить без дополнительной обработки материал, характерного рисунка булата на нем не видно. Следует, однако, учитывать,

---

[37] Ф. 396 Оп. 2 Д. 947 Расходная книга денежной казне Оружейного приказа на окладное и неокладное жалование мастерам и на покупку для их работ разных материалов и припасов 7165 (1656-57) гг. Л. 75 об., 111 об. – 112.

[38] РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 3593 Роспись государевой оружейной казны. Л. 82
РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 3650 Выписка о пожаловании оружничему Григорию Гавриловичу Пушкину рогатины Дмитриева дела Рошкова наводной 1 л.
РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 5854 Об отпуске оружейной казны в государев Троицкий объезд Л. 2.
РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 13566 Дело по извету самопального Тимофея Букина на самопального Фрола Миронова… Л. 2.

[39] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 109 об. № 15.

[40] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 166 об. № 7.

что уровень сложности кузнечной обработки булата напрямую связан с формой и размером оружия: чем длиннее клинок, тем более сложной является работа оружейника. Поэтому если мастер способен ковать из булата ножевые полосы, это совершенно не означает, что он сможет справиться с гораздо более сложной ковкой сабельной или палашной полос. Характерно, что в документах Оружейной палаты XVII в. встречаются булатные бухарские ножи, но нет упоминаний ни об одной бухарской сабле или сабельной полосе.

Илл. 37. Кинжал. Эфес – Индия, конец XVII – 1-я пол. XVIII вв., клинок - Россия, Москва, Оружейная палата, 2-я пол. XVII в., мастер Дмитрий Рожок. Инв. № Ор-3889/1.

Среди мастеров Оружейной палаты нам известны мастера, обладавшие навыками вторичной работы с булатом. Так, в октябре 1659 г. заплатили «ножевнику Андрюшке за булатное железо пять алтын. Выковал два ножика»41. Ножевого дела мастер Андрей Иванов был взят в Оружейную палату «после мора» на выморочное место чищельника Бориса Никитина с невысоким денежным окладом – 4 рубля на год[42].

[41] РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д 949 Приходная и расходная книги денежной казне Оружейной палаты на жалование мастерам и на разные покупки (7168) 1659-1660 г. Л. 36.

[42] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 5741 Память в приказ Большого дворца о выдаче хлебного жалования поступившим в Оружейную палату на выморочные места мастерам за 164 (1655/56) и 165 (1656/57) гг. Л. 1.

РГАДА Ф. 396 Оп.2 Д. 947. Расходная книга денежной казне Оружейного приказа…7165 (1656-57) гг. Л. 58

В расходных книгах и столбцах можно найти несколько записей о приобретении в Оружейную палату булатной стали для изготовления ножиков для государя и приближенных[43]. В росписи пасхального подноса 1667 г. отмечено: «ножевник Федор делал 4 нож[ика] булатные с серебряною чеканною золоченою оправою и с каменьем великому государю и государыне царице и государям царевичам»[44]. Ножевого дела мастер «дубровецкой мещенин» Федор Гаврилов был принят в Оружейную палату в 1658/59 г. с годовым окладом в 5 руб.[45] В 1667/68 гг. он получал денежное жалование (вместе, годовой оклад и поденный денежный корм) 12 руб. 15 алт. 5 денег в год[46].

Другой известной работой В.Ф. Железнова является «Указатель мастеров, русских и иноземцев горного, металлического и оружейного дела и связанных с ними ремесел и производств, работавших в России до XVIII века» (Железнов 1907). В список мастеров-оружейников автор также включил мастеров другой специализации, связанных с металлообработкой и горнорудным делом. Всего в него вошло 1267 мастеров, в том числе 250 оружейников, из которых 47, по мнению Железнова, являлись мастерами Оружейной палаты первой половины XVII в. Сам Железнов не работал с архивными материалами, а пользовался публикациями, в которых содержались ссылки на архивные документы: приводились их заголовки или давались выдержки из текстов источников, а именно работы А. Е. Викторова, И. Е. Забелина, Ю.В. Арсеньева и И.П. Сахарова. Указатель Железнова устарел уже ко второй половине XX в. благодаря публикациям Н. Гордеева и М.Н. Ларченко, которые, основываясь непосредственно на архивных документах Оружейной палаты XVII в., не только значительно расширили список оружейников Оружейной пала-

[43] РГАДА Ф. 396 Оп.2 Д. 947 Расходная книга денежной казне Оружейного приказа… Л. 124 об.
РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д 949 1659-1660 г. Приходная и расходная книги денежной казне… Л. 62 об.
РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 28935 О выдаче денежного жалования приказным и мастеровым Оружейной палаты Л. 18.
[44] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 10919 Роспись Оружейной палаты мастеровым людям русским и иноземцам, кто имянно какие приказные Оружейные дела делал великому государю в поднос в 175-м (1667) году и о даче им государева жалования. Л. 9.
[45] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 6511 Челобитные Оружейной палаты разных дел мастеров о выдаче денежного и хлебного жалования… Л. 17, 20.
[46] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 11823 Роспись мастерам Оружейной палаты…

ты, но существенно уточнили датировку их произведений и время работы в придворных мастерских (Гордеев 1976, 24-25) (Ларченко 1976, 24-25).

Чрезвычайно любопытно упоминание о посылке в Персию с посольством Коробьина Тимофея Лучанинова «для изучения пищального и сабельного дела», откуда он вернулся в 1625 г. (Ларченко 1976, 32). Один из лучших мастеров Оружейной палаты Тимофей Лучанинов известен в первую очередь как самопальный мастер, работы которого являются подлинными шедеврами украшенного огнестрельного оружия; нам не известны никакие упоминания об изготовлении им сабель или иных предметов холодного оружия вообще, и из булата в частности.

Несколько иную интерпретацию этих исторических документов мы встречаем в монографии специалиста в области технологий металлов, теории и истории металлургии Ю.Г. Гуревича «Загадка булатного узора», в которой целая глава посвящена русскому булату (Гуревич 2010, 59-120). Указанный автор также оперирует ранее опубликованными памятниками Оружейной палаты и связанными с ними опубликованными цитатами из источников. Автор делает совершенно справедливый вывод о том, что русские мастера умели делать дамаск (сварочный булат), умели выковывать клинки из слитков булата, но саму булатную сталь производить не могли (Указ. соч., 61, 64). Но эти выводы фактически целиком опираются на великолепное знание технологических процессов и необходимых для них условий, истории металлургии. Памятники из музейных собраний и источники рассмотрены крайне кратко и, по сути, отсылают читателя к работе Железнова.

К вопросу исторического исследования булата неоднократно в своих научно-популярных и популярных работах обращалась Е.В. Тихомирова, долгие годы работавшая с коллекцией оружия Музеев Московского Кремля. Одной из ее последних статей является работа «К вопросу об оружиеведческих исследованиях булата», целиком основанная на обращении к памятникам Оружейной палаты и Переписной книге 1686/87 гг. (Тихомирова 2012, 65-69). Е.В. Тихомирова справедливо замечает, что до настоящего времени историческое булатное оружие не изучено должным образом, научное сообщество не выработало общих подходов к его изучению. В основу своего ис-

следовательского подхода в этой статье Е.В. Тихомирова положила изучение письменных источников, связанных с собранием Оружейной палаты Московского Кремля. Из самого дальнейшего текста статьи становится ясно, что, по сути, речь идет об одном единственном источнике – Переписной книге 1686/87 гг., а также автор использует материалы описи Оружейной палаты, составленной Л.П. Яковлевым и опубликованной в 1885 г. Явно были использованы и другие, не указанные в тексте источники. В отличие от Железнова, Тихомирова совершенно верно указывает на безрезультатность попыток обучить у черкес учеников изготавливать булатные клинки (Указ. соч., 69).

Из большого числа статей, посвященных булатному русскому оружию, статья Е.В. Тихомировой более всего близка к собственно историческому исследованию. Большим недостатком этой ее публикации, как и большей части остальных работ, входящих в тот же сборник научно-практической конференции, является полное отсутствие научно-справочного аппарата. Кроме того, целый ряд вопросов вызывают основные тезисы статьи. Так, например, Тихомирова пишет, что опись, составленная, по ее мнению, в 1687 г., была написана дьяками Оружейного приказа, и эти дьяки «досконально знали предмет, который записывали, проявляли высокий уровень познаний в области металла, … давали точное определение материала, из которого сделан тот или иной предмет» (Указ. соч., 66). С этим утверждением сложно согласиться. Как мы уже писали выше, комиссия, составлявшая Переписную книгу 1686/87 гг., состояла из служащих не Оружейной палаты, а других дворцовых ведомств. Для ревизоров при составлении описи главным было отразить степень соответствия количества хранящегося оружия, его сохранности, включая, в первую очередь, его целостность, совпадение счета драгоценных камней и деталей и т.д. предыдущей описи. В ряде сомнительных случаев ревизоров выручали консультации действующих оружейников. Например, в тексте описи есть ссылка на «скаску» сабельного мастера Прохора Иванова, ко-

торый определил как булат материал сабельных полос работы Реджаб-Али Исфаханского[47].

Сам автор статьи совершенно не затрагивает вопрос, в чем состояли различия между булатом и «красным железом», между сталью «демешковой» и «красным железом», чем является «красное железо», если оно не относится ни к булату, ни к дамаску, ни к обычной стали? Категорически нельзя согласиться с мнением Тихомировой, что определения описи «на кизылбашский, турский, черкасский, угорский, польский или литовский выков» являются «указаниями на особенности технологического процесса, которые по неизвестным нам критериям различались московскими дьяками XVII века» (Тихомирова 2012, 67-68). На наш взгляд, указание на выков напрямую свидетельствует о типе конструкции клинка, его форме, массе, размере, поскольку в разных странах и разных оружейных центрах были отличающиеся традиционные формы оружия, обусловленные традицией боевого применения. Это хорошо видно на примере полос черкасских или на черкасское дело, среди которых превалируют клинки с тонким острием, способным прокалывать кольчугу или панцырь. В разных центрах совершенно разным способом могли оформляться линия лезвия, елмань и долы, обух и пята. Но, к сожалению, этот аспект оказался полностью опущен автором.

Искреннее недоумение вызывают «цитаты» из источников, приводимые автором, например, из Переписной книги, где якобы «дана дополнительная оценка металла», как то: «турский выков «весьма хорошего булата»[48], «полоса турецкая булатная высокого достоинства»[49]. Язык этих цитат, а именно определения «весьма хорошего булата» или «высокого достоинства» не соответствуют лексике документа и попросту отсутствуют в нем. Кроме того, в таких дополнениях не было никакой необходимости: о качестве вещи говорила ее цена, ее расположение в описи относительно остального оружия. К

[47] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 62 об. № 3.

[48] Возможный источник цитаты - Опись Московской Оружейной палаты (Опись Московской Оружейной палаты 1885, 249) (№ 6078 и 6079).

[49] Возможный источник цитаты: Опись Московской Оружейной Палаты (Опись Московской Оружейной палаты 1885, 189) (№ 5932).

сожалению, отсутствие сносок не позволяет установить, откуда именно автор почерпнул эти сведения.

Отдельно следует упомянуть малоизвестное даже специалистам обращение к теме булата известного отечественного оружиеведа В.В. Арендта. В частности, им совместно со специалистом в области металлургии профессором А.В. Сибилевым был проведен металлографический анализ стали турецких сабель (как их атрибутировал В.В. Арендт – В.Н.) VIII-XIV вв. (Арендт 1934, 337). В период с 1908 по 1914 г. Арендт вел научно-исследовательскую работу с коллекциями ряда крупнейших мировых собраний оружия, в том числе он работал с оружейными коллекциями Оружейной палаты. Сотрудничество с Оружейной палатой он продолжил и в 1924-1932 гг., выступая в качестве консультанта-оружиеведа[50]. В частности, 17 декабря 1927 г. Ученый совет Оружейной палаты поручил В.В. Арендту и А.В. Сибилеву изучить литературу, посвященную булату, подготовить состав выставки, посвященной булатному оружию из собрания Оружейной палаты, отобрав экспонаты и составив тексты, которые должны были сопровождать эту экспозицию. Реставрационная подготовка к выставке оружия из булата (его очистка от ржавчины) была поручена совместно хранителю оружия Д.И. Успенскому и В.В. Арендту[51]. Выставка должна была пройти в 1928 г. в Доме бояр Романовых. Известно, что В.В. Арендт готовил к публикации труд, посвященный булатным клинкам, однако последовавший арест и расстрел ученого помешали этому, все неопубликованные научные материалы ученого, изъятые при аресте, были утрачены. При жизни Арендту удалось опубликовать в СССР только небольшой научно-популярный очерк, посвященный булатному оружию. В нем он, в частности, писал о том, что булат был хорошо знаком Московской Руси уже в XV веке, однако производство оружия из булата в России известно только в XVII в.: «к этой эпохе относятся дошедшие до нас памят-

[50] Архив Государственного Эрмитажа Ф. 1. Оп. 5. Д. 1783 Жизнеописание В.В. Арендта. Лл. 2-3.

[51] ОРГПФ ММК Ф, 20 оп. 1927 Д. 4 Протоколы заседания Ученого Совета Оружейной Палаты Лл. 85-85 об. Из-за протечек в здании, где должна была проходить выставка булата, ее открытие было перенесено на 1 марта 1928 г., однако сведений о том, состоялась она или нет, в архиве Оружейной палаты на настоящий момент не выявлено.

ники – холодное оружие и предметы предохранительного вооружения из булата, исполненные придворными московскими мастерами, работавшими в Оружейной палате». При этом Арендт писал не о выплавке в России самого булата, а только об изготовлении из него, как материала, оружия. По его мнению, изготовление оружия из булата в Оружейной палате никогда не имело массового характера производства, то есть речь шла исключительно о небольшом количестве эксклюзивных экземпляров, создаваемых в придворных оружейных мастерских (Арендт 1929, 27).

На настоящий момент никем из исследователей не выявлено ни одного достоверного свидетельства производства (выплавки) булатной стали русскими ремесленниками в этот период. При этом не вызывает никаких сомнений способность русских мастеров к вторичной обработке булата. Речь идет о создании булатного оружия из привезенных из-за рубежа слитков булата или переделке старого булатного оружия в новое. Сохранившиеся описи оружейной казны русских государей свидетельствуют о наличии существенных запасов булата в слитках и прутах. Согласно перечневой описи оружейной казны 1647 г., в палате хранилось «булату 80 криц (слитков – С.О, В.Н.) половинчатых, да 23 прута тянутых»[52]. В наказе отправлявшемуся в Персию посольству окольничего Ф.Я. Милославского 1662 г. содержалось указание приобрести «20 пуд булату красного самого доброго, 20 пуд булату синева»[53]. Согласно документу 1662-1664 гг., в запасах придворной оружейной мастерской находилось 30 криц и 19 прутов булата[54].

Единственным косвенным и небесспорным указанием на возможность плавки булата в России является упоминание о некоем кузнеце и булатном плавильщике в документе, датированном декабрем 1613 г. Текст документа имеет утраты, однако с высокой долей уверенности можно полагать, что он является повторением распоряжения владимирскому воеводе о сыске в Муромском уезде в селе Яковлевском мастера по имени Максим и присылке его в Москву с женой, пожитками и кузнечной снастью. В документе, датированном 21

[52] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 3593 Роспись государевой оружейной казны. Л. 29.
[53] РГАДА Ф. 77 Оп. 1 Д. 14 Книга, содержащая отправление в Персию… Л. 262.
[54] РГАДА. Ф. 396 оп. 1. Д. 52091 [Опись имущества Оружейной палаты]. Опись имущества и оружия мастерской. Л. 6.

сентября, мастер обозначен просто как кузнец (Арсеньев 1903, 338). Степень сохранности материалов делопроизводства Оружейного приказа первой половины XVII-го столетия уместно охарактеризовать как отрывочную. Лишь единичные источники содержат скудную информацию о мастерах, изготавливавших сабельные клинки.

О высоком уровне мастеров-клиночников, работавших в Москве в первой четверти XVII в., может свидетельствовать сабля работы мастера Ильи Просвита[55] ММК Ор-136/1-2, которая была записана в Переписную книгу 1686/87 гг. как тесак (Илл. 38-39). Нам не известно, входил ли мастер Просвит в штат Оружейной палаты – слишком мало сохранившихся документов от этого периода мы имеем в своем распоряжении. В Переписной книге, без указания материала, из которого откован клинок, этот «тесак» был записан как «московское дело»[56]. Надпись на обухе прорезного, украшенного великолепной насечкой клинка его работы говорит о том, что клинок изготовлен по указу ведавшего Оружейную палату Михаила Михайловича Салтыкова для царя Михаила Федоровича в пятый год его правления, т.е. в 1618 г.

Илл. 38. Сабля работы мастера Ильи Просвита. Россия, Москва, Оружейная палата, 1618 г. Инв. № Ор-136/1

[55] Нужно отметить, что имя мастера в надписи на клинке читается неуверенно. В XIX в. его читали как «Нил», в настоящее время принято читать «Илья». Прозвище (фамилия) передана как «Proswits».

[56] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 72 об. № 1; ММК инв. № ММК Ор-136/1-2.

Илл. 39. Эфес и фрагмент клинка с золотой насечкой сабли работы мастера Ильи Просвита. Россия, Москва, Оружейная палата, 1618 г. Инв. № Ор-136/1.

Если сабля сделана по царскому указу, то, вероятнее всего, непосредственно в Москве. Ее клинок имеет сквозную прорезку вдоль обуха в виде растительного орнамента. Л.П. Яковлев отнес клинок сабли работы И. Просвита к булатным[57], хотя по характерной слоистой структуре стали ее можно со всей определенностью отнести к дамаску. Здесь мы наблюдаем то, что видели в случаях с другими памятниками: путаница между булатом, «красным железом», «демешком» и сталью, изначально существовавшая в Переписной книге, усугубилась ошибочными определениями вида стали в Описи собра-

[57] Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Книга 3 Холодное оружие. М. 1885. С. 156-158. № ОП 5902.

ния холодного оружия Оружейной палаты 1885 г. Надпись на клинке выполнена на русском языке латиницей, что, казалось бы, указывает на выходца из западных русских земель, находившихся под властью Речи Посполитой. Однако орфография латинской надписи фактически не имеет ничего общего с польской и отчасти напоминает немецкую (передача «ч» через «tsch», «ц» через «tz», «sch» на месте «ж», «ss» на месте «с» и «s» на месте «з» между гласными, диграф «ae» в соответствии с русскими «а» и «е», удвоенные гласные «аа» и «ее»). Существует версия и о чешском («богемском») происхождении мастера) (Вельтман 1860, 239.). Фамилия Просвиц (Prosvic) достаточно широко распространена в Чехии, известны также носители фамилии (Proswitz) в Германии, преимущественно в западных районах (Пфальц, Северный Рейн – Вестфалия, Нижняя Саксония). Несмотря на то, что полоса сабли Просвита не булатная, прорезной клинок является уникальным и не имеет аналогов среди клинков русской работы XVII в. Стоит отметить, что в Европе XVI-XVII вв. существовала традиция изготовления прорезных клинков. Испанские и немецкие мастера-клиночники протачивали регулярные ажурные прорези разной формы, как правило, в долах палашных, шпажных, рапирных и кинжальных полос. Чаще всего эти прорези расположены в верхней (сильной) трети или половине клинка, не заходя на боевой конец. Подобные экземпляры клинков имеются и в собрании Музеев Московского Кремля (инв № ММК Ор-4373). Возможно, эта традиция распространилась в Европе под восточным влиянием: иранские оружейники протачивали в сабельных, палашных, кинжальных клинках и наконечниках древкового оружия узкие прорези-пазы, иногда сквозные по плоскости клинка. Внутрь таких пазов помещались мелкие жемчужины или металлические шарики с тем, чтобы они могли свободно перекатываться внутри такой прорези. Известны и работы турецких кузнецов с подобными прорезными травами на клинке[58]. Возможно, Илья Просвит был знаком и с европейской, и с восточной техникой прорезки клинков. Однако прорезка клинка сабли работы Ильи Просвита намного ближе к орнаментальным прорезям немецких клиночников, чем к пазам для

[58] См. каталог выставки «Сокровища османских султанов. Из собрания Музея дворца Топкапы», кат. № 34, 39 (Сокровища османских султанов 2010, 102, 108).

«жемчужин» иранских оружейников, и сделана несколько грубее в сравнении, например, с прорезными травами на наконечнике штандарта-алема из собрания Топкапы. Эта технологическая близость, на наш взгляд, косвенно может служить в пользу версии о немецком или богемском происхождении мастера.

Среди источников первой четверти XVII столетия мы можем обнаружить ряд упоминаний об искусстве русских мастеров сабельного дела. Еще Самуил Маскевич в 1610 г. писал в своих дневниках, что «все русские ремесленники превосходны, очень искусны и так смышлены, что все, чего с рода не видывали, не только не делывали, с первого взгляда поймут и сработают столь хорошо, как будто с малолетства привыкли, в особенности турецкие вещи: чепраки, сбруи, седла, сабли с золотою насечкою. Все вещи не уступят настоящим турецким» (Маскевич 1859, 47). Это замечание тем более ценно, что литовский офицер, гусар, во-первых, хорошо разбирался в качественном оружии, во-вторых, в целом был крайне негативного мнения о русских как нации и не склонен к безосновательным комплиментам в их адрес.

Вторым свидетельством может быть спор, произошедший между дядей невесты царя Михаила Федоровича Гаврилой Васильевичем Хлоповым и Михаилом Михайловичем Салтыковым: «…ходил государь в Оружейную палату и смотрил оружейныя казны, и поднесли де ко государю Турскую саблю и почали хвалить и Михайло де Салтыков говорил: что и на Москве государевы мастеры такую саблю сделают. И государь де пожаловал, тое саблю дал в руки ему Гавриле: и говорил ему: чает ли он, что такую саблю сделают на Москве? И он де говорил: что чает сделают, только чаю не такову, какова та. И Михайло тое саблю у него из рук вырвал и молвил, что он говорит незнаючи; и он де за то с Михайлом побранился и поговорил с Салтыковыми гораздо в разговор, и с тех де мест Борис да Михайло Салтыковы любити их не учали»[59].

[59] Следственное дело (в списке) по указу государя царя Михаила Федоровича о том: действительно ли нареченная невестою государю Девица Мария Хлопова во время пребывания ея во дворце одержима была болезнию какою именно и долго ли она потом продолжалась? – 1623 сентября 15 // СГГиД Ч. 3 СПб., 1822 № 63 С. 261-262.

Поскольку М.М. Салтыков ведал Оружейную палату, он мог реально представлять профессиональный уровень и качество изделий подведомственных ему оружейников. Кроме того, царь мог велеть изготовить в доказательство такую же саблю, как ту, о которой шел спор, и Салтыков не мог не знать, что за свои слова ему, возможно, придется держать ответ.

В источниках, связанных с делопроизводством Оружейной палаты, мы встречаем сведения об изготовлении ее мастерами различных видов холодного оружия. Уже в росписях оружия времени царя Михаила Федоровича 147 (1638/39 гг.) и 151 (1642/43 гг.) перечислено немало холодного оружия московской работы: копья, булавы, сабли, рогатины, топоры, чекан. Однако с работой мастеров Оружейной палаты мы можем соотнести лишь один предмет: «Сулица молеваная Микитина дела Давыдова»[60].

Интереснейший документ относится к 1647 г. Чищельник Оружейной палаты Федот Никитин в своей челобитной сообщал, что по указу царя Михаила Федоровича «отдан я был в ученики к Олферу сабелнику и научен я сабель красных делать и полашей в красном железе гнутых. Да от того мастера отдан был другому мастеру, Хамуке черкашенину, и научен я от того мастера саблям булатным новым делать и кришной булат тянуть и сваривать, и припуску сабелному всяких розных полос от того мастера научен»[61].

Сабельный мастер Алфер (Олфер) Юрьев действительно состоял на службе в Оружейной палате в первой половине столетия. В росписи 1645 г. он написан шестым после станочного мастера Алфима Яковлева[62]. В описи походной казны царя Алексея Михайловича 1655 г. числилась «сабля, полоса красная зубатая Олферово дела»[63]. А в Переписной книге 1686/87 гг. вместе с ножевой булатной полосой работы Дмитрия Рожка было записано и «железцо

[60] РГАДА Ф. 396. Оп. 1 Д. 2948 Роспись оружейной казны ц. Михаила Федоровича на 13 лл. 147 (1638/39) гг. Л. 10.
[61] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 3630 Челобитная Оружейного приказа Федота Никитина об отставлении его от чищельников о даче ему на снасти к сабельному делу денег и о бытии ему в сабельных мастерах Л. 1.
[62] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 36421 Роспись самопальным стрельцам и оружейным всяких дел мастерам…Л.1.
[63] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 5692 Роспись походной казны Алексея Михайловича, которая была в Смоленске. Л. 35.

ножевое Алферова ученика Федотки Микитина»[64]. Если булатный ножевой клинок Рожка был оценен в полтину, то «простое железцо» было оценено в три алтына две деньги[65].

Возможно, Алфер Юрьев обладал навыками вторичной работы с булатом и выделки из него сабельных клинков. В расходной книге Казенного двора 1637 г. присутствует запись «Маия в 3 день по государеву [м.т.] Михаила Федоровича указу по памяти за приписью подьячево Богдана Юрьева, государева жалования Оружейного приказу мастером Миките Давыдову, да Олферью Юрьеву по четыре аршина сукна аглинского вишневого по сороку алтын аршин. А пожаловал государь их за то, Микита государю челом ударил пару стволов пистолетных красных, а Олфер государю челом ударил полосою сабельною булатною» (курсив наш – В.К., В.Н., С.О.)[66]. Однако, как следует из челобитной Федота Никитина, у Алфера он учился делать дамасские клинки, а искусству ковать булатные сабли его обучал другой оружейник.

О присутствии в составе придворной мастерской оружейника по имени Хамука (возможно от адыгского прозвища Хамуко) с прозвищем «Черкашенин» упоминаний не выявлено. Таким образом, работать с булатом и изготавливать из него оружие Федота учил проживавший в Москве оружейник – предположительно выходец с Кавказа. Загадкой остается, почему получивший столь ценные навыки Федот Никитин на момент челобитья оставался в чищельниках.

Интересную информацию о работах сабельных мастеров Оружейной палаты, в том числе и изготовлении булатных клинков, может дать сопоставление документов с сохранившимися в собрании Музеев Московского Кремля памятниками. Трижды в Переписной книге 1686/87 гг. нам встречаются булатные сабельные клинки «московского дела» (при этом «московского дела», на наш взгляд, следует понимать как указание именно на город Москву как цен-

[64] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 166 об. № 7.
[65] Там же. Л. 167.
[66] РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д. 292 Расходная книга товарам и вещам на жалование всяких чинов людям (1636-1637 г.) Лл. 228 об. -229.

тра производства, поскольку в описи употребляется и определение «полосы русское дело»[67]).

В первом случае, это «сабля полоса булату красного, выков черкасской московское дело, на полосе по два дола с опушкою с голоменем, на голомени по два долика…»[68]. К сожалению, ни сабля, ни полоса до нас не дошли. Мы можем предположить, что клинок мог быть черкасской работы, а московского дела была вся сабля в целом. Другой вариант интерпретации – сабля имела откованный в Москве клинок «на черкасский выков».

Во втором случае – это была «полоса булат синей московский выков на турское дело, на правой стороне голомя наведено золотом, да на той же стороне наведено золотом промеж перерывцов, на другой стороне мишень наведена золотом от пяты решетка и голомя с откошками. По обе стороны полосы долики спереди <...> до елмана долик же». Эта полоса была оценена в семь рублей – такую же сумму, как клинок работы Реджаба Али Исфаханского[69]. Клинок «московский выков» единственный во всей описи был назван «булат синей», то есть своим цветом или узором он отличался от обычного «булата красного».

Наконец, третий памятник, о котором мы можем предположительно говорить как о булатном клинке русской работы, это полоса «булат красной на турское дело, сделана из булатных головен, по обе стороны дол ширинской с опушкою». Эта полоса была оценена еще дороже – в семь рублей шестнадцать алтын четыре деньги, а в предыдущих описях она была записана седьмой, то есть выше полос работы Реджаба Али Исфаханского[70].

---

[67] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 70 об. № 45.

[68] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 41.

[69] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 64 об. – 65.

[70] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 65.

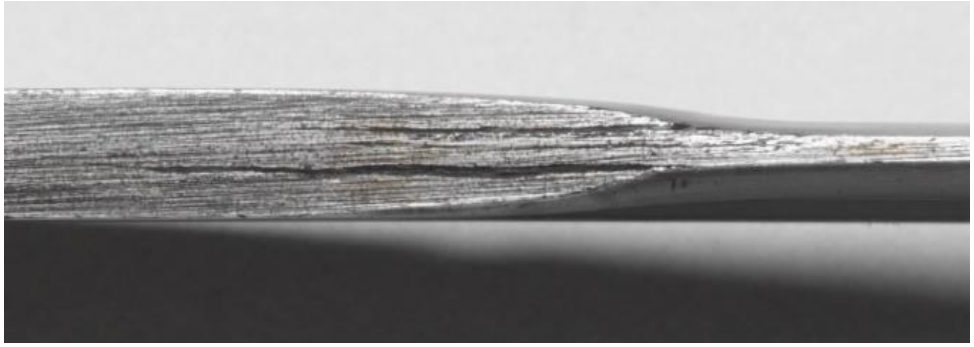
Эта полоса, инвентарный № ММК Ор-1395 (Илл. 40-44), сохранилась в современном музейном собрании. Ее действительно отличает очень высокий уровень кузнечной работы и красивый мелкосетчатый булатный узор стали. Изготовивший ее мастер явно подражал «турским» полосам, стремясь избежать оформления начала елмани выступом и сделать конец клинка относительно нешироким. Очевидно, здесь он шел «от противного», из чего можно предположить, что наиболее привычными ему были русские полосы «на польский выков» с огромной елманью, выделенной выступом и широким концом без четко выраженого острия. При этом, несмотря на высокое качество изделия, соблюсти турецкий канон мастеру не удалось. Клинок плавно расширяется к началу обратной заточки, однако конец обуха не отмечен переломом профиля. При этом размеры елмани (длина 335 мм, максимальная

Илл. 40. Полоса сабли. Россия, Москва, Оружейная палата, 1-я пол. XVII в. ММК Ор-1395.

Илл. 41. Рисунок булатной стали в средней части клинка сабельной полосы.

Илл. 42. Рисунок булатной стали в области елмани сабельной полосы.

Илл. 43. Рисунок булатной стали на боевом конце клинка сабельной полосы.



Илл. 44. Структура металла на обухе клинка.

ширина 41 мм при ширине пяты клинка 36 мм) остаются очень большими, кривизна лезвия (111 мм) заметно больше, чем у турецких аналогов, что сближает клинок с русскими полосами «на польский выков».

Знать, что она сделана из булатных слитков, то есть головень, могли только в том случае, если ее делали либо непосредственно в Оружейной палате, либо по заказу придворного оружейного ведомства. В таком случае, вероятнее всего, что эта полоса, как и упоминавшиеся выше полосы булатные «московское дело» могли быть изготовлены в Москве, возможно, в самой Оружейной палате в первой половине XVII в.

В отношении этой сабельной полосы Яковлев, на наш взгляд, излишне вольно трактовал терминологию XVII в.: слова «из булатных головень» он трактовал как сделанную из обрезков булатных полос[71]. Объясняется это, возможно, тем, что Яковлев решил, что головень – это то же самое, что и сабельная голомень. Действительно, в документах Оружейной палаты фиксируются примеры, когда булатные клинки перековывались для изготовления нового. Такие примеры вторичной работы с булатом относятся к профессиональной биографии ведущего самопального мастера Оружейной палаты Григория Вяткина. В 1665/66 гг. он перековывал для царевича Алексея Алексеевича булатную сабельную полосу[72].

Особый интерес представляют клинки, выполненные в центральноевропейской традиции – на «польский», «литовский» или «угорский» выков из булатной стали. Для них, на наш взгляд, с большой долей вероятности можно предполагать изготовление в России. Клинки центральноевропейской традиции в комплексе Государевой Оружейной Палаты представлены двумя формами. Первую из них составляют клинки с четко выраженной елманью большого размера (иногда длиной более 300 мм и максимальной шириной на 8 мм больше ширины пяты клинка), образованной ступенчатым выступом обуха клинка. При этом обратная заточка начинается на некотором расстоянии от выступа. В польском оружиеведении такая конструкция елмани называется

[71] Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Книга 3 Холодное оружие. М. 1885. С.234-235. № ОП 6032.
[72] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 9816 О сделании в Серебряной Палате в Оружейный приказ разных серебряных дел… Л.5.

«pióro z młotkiem». Клинки имеют крупные размеры, большую кривизну и слабовыраженное острие. Наиболее близкими аналогами таких клинков оказываются клинки венгерских сабель XVI в., а также польских «боевых карабел» XVII в. По размерам и особенностям оформления острия русские клинки из Оружейной Палаты отличаются от представленных в собрании «немецких» сабельных полос аналогичной конструкции. Среди булатных клинков подобной формы оказывается клинок сабли ММК Ор-139 («Сабля булат красной, выков на литовское дело, полоса мелкие долики на угорской выков»)[73] (Илл. 45-48), а также, возможно, сабельная полоса ММК Ор-762 (клинок сильно зашлифован, узор почти не читается) (Илл. 49-53). Обе булатные полосы имеют «долики мелкие» - по 6 узких долов, к концу клинка и началу елмани сходящихся вместе и завершающихся острыми концами.

Вторая форма клинков центральноевропейского происхождения – это клинки с раскованным широким обоюдоострым концом без выраженной елмани. Такие клинки известны на «венгерско-польских» саблях, но наиболее характерны для сабель с «полузакрытыми» эфесами, а также польских «гусарских» сабель XVII в. Для клинков подобной конструкции из Оружейной Палаты характерна небольшая кривизна. Наиболее распространенный вариант сечения – два широких дола, разделенных ребром. Булатные клинки такой конструкции представлены единственным экземпляром. Это клинок саб ли ММК Ор-140, в Описи 1687 г. описанный как «полоса булат красной на полской выков, на полосе на обеих сторонах терты по два дола, промеж ими долик узенкой»[74] (Илл. 54-56). Впрочем, этот клинок, вероятнее всего, имеет-
характерны для сабель с «полузакрытыми» эфесами, а также польских «гусарских» сабель XVII в. Для клинков подобной конструкции из Оружейной Палаты характерна небольшая кривизна. Наиболее распространенный вариант сечения – два широких дола, разделенных ребром. Булатные клинки такой конструкции представлены единственным экземпляром. Это клинок сабли ММК Ор-140, в Описи 1687 г. описанный как «полоса булат красной на

[73] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 37.
[74] Там же. Л. 46.

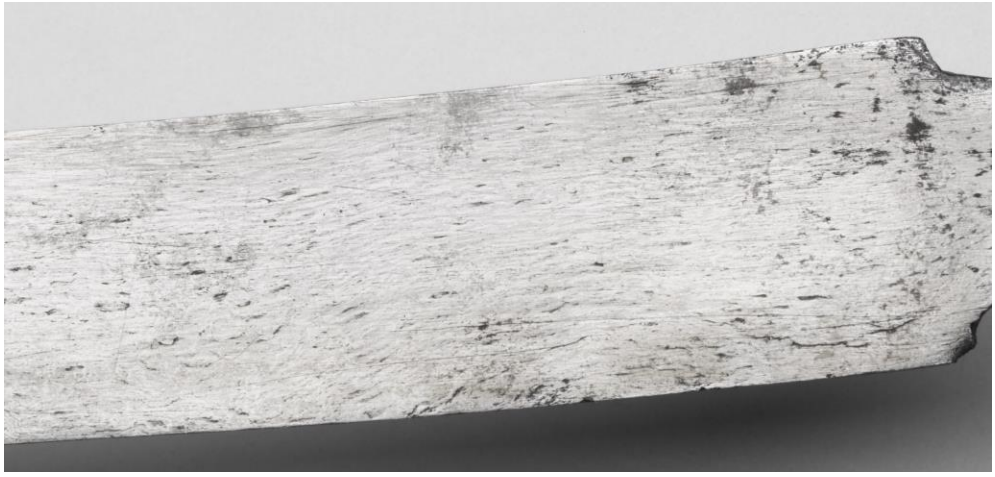
Илл. 45. Сабля «большого наряда». Россия, Москва, Оружейная палата, 1-я пол. XVII в. ММК Ор-139/1.

Илл. 46. Эфес сабли.

Илл. 47. Узор булатной стали в средней части клинка сабли.

Илл. 48. Узор булатной стали на боевом конце клинка сабли.

Илл. 49. Полоса сабли Россия, Москва, Оружейная палата, 1-я пол. XVII в. ММК Ор-762.



Илл. 50. Рисунок булатной стали у основания клинка сабельной полосы.

Илл. 51. Рисунок булатной стали в нижней части клинка сабельной полосы.

Илл. 52. Рисунок булатной стали на боевом конце клинка сабельной полосы.

Илл. 53. Структура металла на обухе клинка.

полской выков, на полосе на обеих сторонах терты по два дола, промеж ими долик узенкой»[75] (Илл. 54-56). Впрочем, этот клинок, вероятнее всего, имеет восточное, предположительно иранское происхождение: на внешней стороне клинка сохранились следы от имевшегося ранее, а в настоящий момент совершенно затертого картуша - набитые канфарником точечные углубления под насечку цветным металлом. И картуш, и сам клинок в целом сильно затерты при образивной обработке клинка, но рисунок булата отчетливо читается внутри долов.

Лучшие сабли и сабельные полосы, изготовленные в России и сохранившиеся в собрании Музеев Московского Кремля, датируются либо во время

Илл. 54. Сабля. Эфес - Россия (?), XVII в., клинок – Иран (?), 1-я пол. XVII в.

Илл. 55. Эфес сабли и фрагмент клинка с внешней стороны. На клинке в долах видны остатки рисунка булатной стали и следы затертого клейма в долах.

[75] Опись Оружейной палаты, составленная по прежним описям 7172 и 7190 гг. думным дворянином А.Ф. Полибиным и дьяком Василием Мануиловым в 7195 г. (1687). РГАДА. Ф. 396. Оп. 2. Д. 936. Л. 46.

Илл. 56. Фрагмент клинка с внутренней стороны.

пребывания в должности заведующего Оружейной палатой боярина князя Бориса Александровича Репнина, либо сразу после него, то есть в период 1638-1647 гг. Еще более ранним периодом датируется сабля инв. № ММК Ор-139/1-2. Ее клинок из красного булата «выков на литовское дело» согласно сохранившимся документам был изготовлен в Оружейной палате при возглавлявшем Оружейный приказ стольнике Василии Ивановиче Стрешневе. В 1654-1656 гг. она вошла в состав походной оружейной казны царя Алексея Михайловича[76]. Выше упоминалась запись о поднесении в мае 1637 г. царю Михаилу Федоровичу сабельным мастером Алфером Юрьевым булатной полосы[77].

С большой долей осторожности, но все-таки можно утверждать, что в первой половине XVII в. в Москве работали сабельные мастера, умевшие высококачественно обрабатывать булат и изготавливать из него сабельные клинки.

Исследуя вопрос о создании холодного оружия в Оружейной плате XVII века, следует принимать во внимание одно важное обстоятельство. В документах ведомства сабельными мастерами или сабельниками часто называли

[76] См. (Государева Оружейная палата 2002, 152-153; 335-336), там же Кат. № 37.
[77] РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д. 292 Расходная книга товарам и вещам на жалование всяких чинов людям (1636-1637 г.) Лл. 228 об. -229.

т.н. «сабельных придельщиков» или «огнивщиков» - специалистов, изготавливавших и монтировавших прибор к готовым сабельным полосам. Непосредственно ковкой сабельных клинков эти мастера не занимались, хотя отдельные работы по металлу, как правило невысокой сложности, они иногда выполняли. Кроме того, они «припускали» булатные и дамасские сабли – протравливали полосы, выявляя на них рисунок металла высокого достоинства. В XVII столетии к вопросу о поддержании и выявлении на металле рисунка, свидетельствующего о его высоком достоинстве, относились весьма внимательно. Для «припуску» дамасского и булатного оружия и доспеха в Оружейную палату приобретали специальный состав – «зак кизилбашской», или выдавали деньги мастерам, которые сами готовили необходимый реактив. Известно, что в его состав входили купорос, сулема, нефть, «немецкой купорос», нашатырь, селитра и «ренской уксус» (к сожалению, в документе не указаны пропорции)[78]. Помимо сабельных придельщиков иногда такую работу выполняли чищельники.

Ряд источников сообщают нам о создании по заказу руководства Оружейной палаты сабельных коинков в 1670-е гг. Но документы из архива Оружейной палаты опровергают этот тезис. В июне 1671 г. «Устюжские сотни тяглецу Агапиту Денисову от дву полос сабелных сталных от точки по уговору пять алтын. А по указу великого государя те полосы велено ему точить, те полосы и в лице поставить, которые он полосы ковал против обрасца в Оружейную полату»[79]. В августе следующего 1672 г. вновь было выплачено «сабелнику Агапу Денисову от трех полос сабелных сталных от ковки, и от дела, и на уголье, и от точки - тритцать алтын. А по указу великого государя ковал он и оттачивал три полосы сабельные по наряду в Оружейную палату»[80].

В апреле 1673 г. этот мастер подал челобитную в Оружейный приказ: «Бьет челом сирота твой Устюские полусотни тяглец Агабко Денисов. Работал я тебе, великому государю, семь сабель и шпаг, да саблю булатную ис

[78] РГАДА Ф. 396 Оп.1 Д. 13532 Денежные выписки об уплате за товары и мастеровым людям Л. 38.
[79] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 13447 Ч. 2Список о денежном жаловании Оп подьячим, приставам и разных дел мастеровым … Л. 264.
[80] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 13799 Выписки по коим выдано было денег мастеровым и торговым людям за покупные товары… Л. 73.

криц, да другую саблю переправливал старую булатную. И всех тех сабель деветь. Милосердый государь [м.т.] Алексей Михайлович, пожалуй меня, сироту своего, за мое работишко чем тебе великому государю Бог известит». Значительный интерес представляет приказная выписка, составленная по челобитной сабельника. «В прошлом во 179-м (1671) году июня в 17 день по приказу боярина и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово <…> велено Устюские сотни тяглецу Агапку Денисову выковать вновь и выточить и в лице поставить четыре полосы сабельные стальные против обрасцовой полосы. Да июля в 19 день ему ж Агапу Денисову велено выковать вновь и выточить и в лице поставить три полосы сабелные сталные, одну зубчатую две гладких. Да в нынешнем во 181-м (1672) году декабря в 10 день по указу великого государя и по приказу боярина и оружничего <…> вынято из Оружейные болшие казны три полосы сабелные булатные кизылбашские, а приказал ис тех полос выковать вновь против обрасцовые сабельные полосы булатные ж, которая взята на образец после смерти боярина князя Григорья Сунчелеевича Черкаского. И того ж числа те полосы отданы из Оружейные полаты Устюжские сотни тяглецу сабельного дела мастеру ему ж, Агапу Денисову, да астарахонцом отставленным приделщиком Васке Трофимову да Петрушке Григорьеву. А велено их перековать против обрасцовые сабелные полосы, по полосе человеку. Всего выковал он, Агап, деветь полос сабелных и в том числе семь полос сталных, две полосы булатных. А те полосы ковал он по наряду в Оружейную полату»[81].

Более поздний документ содержит краткое описание сабли кн. Г.С. Черкасского, что была дана мастеру «на образец». В 1683 г. кн. Даниил Григорьевич Черкасский обратился с просьбой зачесть в счет его долга перед казной стоимость панциря и сабли, взятых в Оружейную палату после смерти отца. «В Оружейной полате в приходной книге 181-го (1672/73) году написано: сентября в 28 день по указу блаженные памяти [м.т.] Алексея Михайловича и по приказу боярина и оружничего Богдана Матвеевича Хитрово взято в Оружейную полату после смерти боярина князя Григорья Сунчелеевича Черкас-

[81] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 14287 Челобитная Устюжской полусотни тяглеца о выдаче ему денег за работу сабельных полос Л. 1-5.

ского: пансырь черкасской коленной в коженом лагалище да сабля, полоса булатная уская, с одну сторону от устья и во всю полосу наведена золотом, ножны покрыты гзом черным, по другую сторону покрыта берестом, черен покрыт ящуром зернистым, на ножнах оправы, две обоймицы и наконечник, и крыж и наболдашник серебреные золочены резные местами по белой земле. И тот пансырь и сабля переложены в Болшую Оружейную казну. А по осмотру в оружейной Болшой казне того панцыря налицо нет, а кому отдан, того в Оружейной полате не сыскано. А сабля в Оружейной болшой казне ныне налицо есть. А по нынешней оценке той сабле цена 30 рублев»[82].

Относительно изготовления русскими мастерами холодного оружия и доспеха из дамасской стали можно привести следующие сведения. Документы текущего делопроизводства Оружейного приказа свидетельствуют, что в службе в придворной мастерской упомянутого выше тульского мастера Кузьмы Иванова сына Плотникова был перерыв. «В нынешнем во 181-м (1673) году марта в 10 день по приказу оружничьего Богдана Матвеевича Хитрово <…> велено быть в Оружейной палате вновь (курсив мой – С.О.) стволного дела красного железа Куске Плотникову. И велено ему учить учеников Ромашку да Пронку Камаевых, чтоб они умели делать полосы сабелные, шапки мисюрки, стволы винтованные красного железа». В документе содержится выписка, учиненная по челобитной ученика Кузьмы – Прохора Камаева. «А ныне к подносу (пасхальному – С.О.) делал он с мастером своим две полосы сабелные, да два черепа к шапкам мисюркам, да копье ис красного железа»[83].

Изготовление оружия из булата, по мнению Железнова, прекратилось в России после смерти царя Алексея Михайловича (Железнов 1906, 44). В июле 1677 г. из Оружейной палаты было выплачено «Бронные слободы тяглецу сабелного дела мастеру Оске Васильеву на железо и на уголье по ево скаске два рубли. <…> Зделал он в Оружейную полату две полосы сабелные з долами красного железа, и в том числе одна дол ширинской, а у другой на черкас-

[82] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 21474 Выписка по челобитной кн. Даниила Черкасского о взятой у отца его в ОП сабле и панцыре. Л. 1-4.
[83] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 13917 Челобитные ствольного дела мастеров и учеников о прибавке им жалования Л. 28-32.

кое дело с шивыком (штыком? - С.О.) с мелкими долами»[84]. В октябре 1678 г. «по железу резного дела мастеру Борису Крыгару да ствольного дела красного железа мастеру Проньке Камаеву на двадцать кулей уголья по шти денег за куль <…> А по указу великого государя, велено Бориску и Проньке выковать две полосы сабельных противу обрасцовой полосы на турецкое дело»[85]. К сожалению, в документе не сказано, из какой стали была «образцовая полоса на турецкое дело».

К 1680-81 гг. относится единственный известный случай, когда самопальным мастером Григорием Вяткиным был целиком создан предмет холодного оружия, включавший в себя детали как из дамасской, так и из булатной стали. Расходный столп содержит упоминание о том, что в октябре 1680 г. Г. Вяткиным был изготовлен «обушок красного железа» по образцу некоего «обушка наводного» 1679 г. В качестве парадно-церемониального оружия обушки (предположительно, род топорика с выраженной обуховой частью)[86] использовались при посольских встречах и государевых походах в 1670-х - 1680-х гг. В марте 1681 г. мастер получил указание дополнить обушок новыми деталями и украсить его золотой насечкой. 28 апреля у тяглеца Огородной слободы Ивана Федорова был куплен «тулумбас булатной ветчаной» (т.е. ветхий - С.О.). «А по указу великого государя тот тулунбас куплен, по скаске стволного и замочного дела мастеру Григорья Вяткина(?), к наводному золотому обушку красного железа на трубку и на наконечник к черену. А зделав к тому обушку наконечник и сверху трубку, навесть по тому булату золотом же. И тот тулунбас для того дела ему, Григорью Вяткину из Оружейной палаты отдан»[87].

---

[84] РГАДА Ф. 396 Оп. 2 Д. 958 Книга приходо-расходная денежной казны Оружейной палаты 1676-1677 гг. Л. 425.
РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 16768 О даче Бронной слободы тяглецу сабельному мастеру Осипу Васильеву денег на сделание двух полос сабельных Л. 1.

[85] РГАДА ф. 396 Оп. 1 Д.17566 О сделании сабельных полос, стволов пищальных, станков и ножен… Л 1-2.

[86] «Obuszek» был широко распространен среди шляхты Речи Посполитой и представлял собой небольшой клевец или топорик-чекан на длинном топорище, используемом в качестве трости.

[87] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 20215 Расходный столп по покупке разных материалов. Л. 36, 96-97.

В марте 1685 г. «ствольного дела мастеру Раману Анисимову сыну Комаеву на дватцать на четыре меха уголья против прежние дачи по четыре деньги за мех <…> Велено зделать вновь великим государем два обушка красного железа на персидский образец и навесть золотом. Деревья немецкого дерева.[88] В числе подносных вещей, которые мастерам Оружейной палаты указано было изготовить к Пасхе 1685 г., фигурировал булатный нож[89].

Плохая сохранность материалов делопроизводства Оружейной палаты первой половины XVII столетия не позволяет сделать уверенных выводов относительно степени развитости производства холодного оружия из металла высокого достоинства в придворной мастерской. Тем не менее, на основании обобщения и анализа выявленных источников складывается впечатление, что она была невелика. Мы располагаем немногочисленными упоминаниями в документах (включая Опись 1686/1687 г.) о русских мастерах-клиночниках, отдельными дошедшими до нас образцами булатных клинков, которые есть основания предположительно связывать с русскими мастерами (сабля Ор-139/1-2, сабельные полосы Ор-1395, Ор-762).

Из описей оружейной казны, столбцов текущего делопроизводства и приходо-расходных книг мы узнаем, что в русской столице было, по крайней мере, несколько мастеров, выполнявших или способных выполнить такую работу для Оружейной палаты, но принадлежность к штату ведомства документально подтверждена только для одного из них - Алфера Юрьева.

Вопрос о регулярном производстве сабельных клинков из обычной стали в Оружейной палате нуждается в дальнейшем исследовании. В составе государевой оружейной казны упоминанются крупные партии сабельных клинков «русского» и «московского» дела, но их создание в Оружейной палате источниками не подтверждено.

Несмотря на лучшую сохранность документов Оружейной палаты второй половины XVII века, штатных сабельных мастеров Оружейной палаты, изготавливавших сабельные клинки из булатной, дамасской и даже обычной ста-

[88] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 23167 О выдаче денег ствольным мастерам на покупку уголья для сделания двух пар стволов пищальных и замков, и двух обушков в поднос государем к неделе Святые Пасхи. Л. 2.
[89] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 23133 О сделании в поднос разных вещей… Л. 1.

ли, не выявлено. (Особняком стоит сюжет с изготовлением клинков двуручных мечей Андроном Ефремовым в 1656 г. (Орленко 2014, 58). В документах Оружейной палаты он фигурирует как сабельный мастер, сабельник, сабельный придельщик, огнивщик. О сабельных клинках его работы информации не обнаружено. В редких случаях, когда в источниках зафиксировано изготовление или переделка (перековка) сабельных клинков из булатной и дамасской стали царскими оружейниками, исполнителями выступают не сабельники, а специалисты других специальностей. В то же время, как и в первой половине столетия, в «послечумной период» документы фиксируют наличие в Москве сабельных мастеров, способных создавать клинки, в том числе и из булатной стали. Однако ни один из них не состоял в штате придворной мастерской. Более того, скорее можно говорить о том, что изготовление сабельных клинков вообще в этот период носило разовый и, можно сказать, «случайный» характер.

Мы можем констатировать, что и в первой, и во второй половине столетия руководством Оружейной палаты предпринимались попытки пополнить состав мастерской специалистами, умеющими делать сабельные полосы высокого достоинства, а также попытки организовать обучение таких специалистов. Также можно констатировать, что эти попытки не были достаточно последовательными и настойчивыми и не увенчались сколько-нибудь заметным успехом. Зато число сабельных придельщиков среди мастеров Оружейной палаты второй половины столетия было весьма значительным. Исторического максимума, по всей вероятности, их число достигло в 1664 году. По росписи мастеровым людям, в штате придворной мастерской состояло шесть русских сабельных придельщиков и семь т.н. «поляков»[90]. Еще восемь сабельных придельщиков, как было указано выше, в 1664 г. прибыли из Астрахани. Отметим, что в кремлевских арсеналах в этот период хранилось большое количество сабельных полос «немецкого» и «русского дела», к которым сабельными придельщиками в соответствии с установленными нормами выработки изготовлялись «сабли», т.е. ножны и рукояти.

[90] РГАДА Ф. 396 Оп. 1 Д. 8930 Роспись Оружейной палаты мастеровым людям, кто у какого дела и что вновь велено делать, и кому за ними смотреть. Л. 4.

Причиной подобного отношения могла быть уверенность руководства придворного оружейного ведомства в возможности удовлетворить потребности русского двора в высококлассном оружии и доспехе за счет ввоза необходимых предметов из-за рубежа – непосредственно из Ирана и Турции. Наказ посольству окольничего Ф.Я. Милославского 1662 г. включал в себя обширный список доспехов, оружия и оружейных полуфабрикатов, которые русским дипломатам было предписано закупить в Персии. Приведем выдержки из этого списка: «5 зерцал самых добрых в кольцах с наводом золотым, 50 зерцал кружчатых и четвероуголных булатных з золотым же наводом, 100 зерцал обычных кружчатых и четвероуголных, 100 наручей булатных же легких с наводом кизылбашских и черкесских розными обрасцы, 100 черепов булатных мисюрак с наводом золотым, 300 бармиц к шапком мисюрком всякими обрасцы, 10 шапак ерехонских красных булатных с наводом золотым, 1000 булатных железец стрелных красных розными обрасцы, пансырь доброй с воорудою доброю затейчивою, 100 пансырей пообычней <…> 100 полос сабелных булатных, 10 рогатин добрых с наводом золотым, 100 гротиков добрых с наводом золотым розными обрасцы, 10 пищалей красных с наводом золотым, 10 копей с древками и со орудою, 1000 железец стрелных черкесских…»[91]. Наряду с закупкой за рубежом, более или менее регулярно высококлассное оружие и доспех в государеву оружейную казну поступали в качестве дипломатических даров иностранных государей, подношений участников посольств, иноземных купцов и даже восточных православных иерархов.

[91] РГАДА Ф. 77 Оп. 1 Д. 14 Книга, содержащая отправление в Персию посольства Милославского 1662 г. Л. 261 об. – 265.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Сабли:

№ по Переписной книге 1686/87 гг.	Описание клинка по Переписной книге	Лист по Переписной книге	Современный инвентарный номер
1	Сабля полоса булат красной гладкая турской выков	Л. 27	ММК инв. № Ор-199/1-2
2	сабля полоса булатная	Л. 30	ММК инв. № Ор-197/1-2
3	сабля булатная	Л. 32 об.	ММК инв. № Ор-201/1-2
4	сабля полоса булат красный гладкая турской выков	Л. 33	ММК инв. № Ор-210/1-2
5	сабля полоса булат красной кизылбашской выков	Л. 34	ММК инв. № Ор-202/1-2
6	сабля булат красной турской выков	Л. 35	ММК инв. № Ор-137/1-2
8	сабля турская булат красной	Л. 36 об	ММК инв. № ОР-138/1-2
9	сабля булат красной выков на литовское дело полоса мелкие долики	Л. 37 об.	ММК инв. № Ор-139/1-2
12	сабля булат красной кизылбашской выков гладкая	Л. 40	ММК инв. № Ор-198/1-2
16	сабля полоса булату красной кизылбашской выков гладкой	Л. 44 об	ММК инв. № Ор-206/1-2

18	сабля полоса булат красной на полской выков	Л. 46 об	ММК инв. № Ор-140/1-2
24	сабля полоса булат красной выков турской	Л. 50 об	ММК инв. № Ор-142/1-2
25	сабля египецкая булат красной	Л. 51	ММК инв. № Ор-204/1-2
28	сабля булат красной дол кованой ширинской	Л. 52 об	ММК инв. № Ор-205/1-2

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Сабельные полосы:

№ по Переписной книге 1686/87 гг.	Краткое описание по Переписной книге	Лист по Переписной книге	Современный инвентарный номер
2	полоса булатная	Л. 62	ММК инв. № Ор-1388
3	восемь полос гладких по обе стороны от обуха наведены золотом…..и по осмотру и по скаске сабельного дела мастера Прохора Иванова те полосы булатные	62 об	ММК инв. №№ Ор-770, Ор-771, Ор-772, Ор-773, Ор-774, Ор-775, Ор-776, Ор-777
4	полоса булат красной турское дело	Л. 62 об	ММК инв. № Ор-1390
5	полоса булат красной кизылбашской	Л. 63	ММК инв. № Ор-1413
6	полоса булат красной	Л. 63 об	ММК инв. № Ор-

	гладкая кизылбашская		769
7	полоса булатная гладкая	Л. 63 об	ММК инв. № Ор-788
8	полоса булат красной турского дела дол ширинской	Л. 64	ММК инв. № Ор-1409
10	полоса булат красной турское дело ширинской дол	Л. 64 об	ММК инв. № Ор-1364
12	полоса булат красной на турское дело сделана из булатных головень по обе стороны дол ширинской с опушкою…	Л. 65	ММК инв. № Ор-1395
13	полоса булатная черкасская с долами штыком на ней мишенца наведена золотом	Л. 65	ММК инв. № Ор-767
14	две полосы булатные турское дело на них долы ящиком с опушками	Л. 65	ММК инв. №№ Ор-1390, ОР-1377
16	полоса булат красной тевризская от тылья по обеим сторонам долики с перерывцами	Л. 65 об	ММК инв. № Ор-1408
18	полоса булатная гладкая прислана в оружейную палату с казенного двора в 149	Л. 66	ММК инв. № Ор-763

	году		
19	полоса булатная на полское дело с мелкими доликами	Л. 66	ММК инв. № Ор-762
21	двадцать полос булатных кизылбашской выков, в том числе на шти полосах мишени врезывано золотом а в них слова арапские…	Л. 66 об	ММК инв. №№ Ор-1410, Ор-791, Ор-778, Ор-782, Ор-785, Ор-1417
21	…у семи полос слова арапские без золота		ММК инв. №№ Ор-790; Ор-1383, Ор-1416, Ор-1382
21	….семь полос без мишеней		ММК инв. № Ор-1415, Ор-1420, Ор-1419, Ор-1418, Ор-1391, Ор-784, Ор-1376
23	три полосы булатные кизылбашские с долами – есть только одна	Л. 67	ММК инв. № Ор-1411
24	три полосы булатные гладкие кизылбашские	Л. 67	ММК инв. № Ор-1379, Ор-1401
28	полоса булатная гладкая с долами кизылбашская	Л. 67 об	ММК инв. № Ор-1412
30	полоса демешковая с долами на полской выков	Л. 68	ММК инв. № Ор-1370
38	четыре полосы крас-	Л. 69	ММК инв. №№ Ор-

	ного железа гладкие в том числе две штыком,		781 и Ор-1402,– со штыком;
38	…..а две на черкасское дело	Л. 69	ММК инв. №№ Ор-766 и Ор-787
48	полоса красного железа ширинской дол на полской выков	Л. 71 об	ММК инв. № Ор-1423

ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Булавы, шестоперы, топоры:

№ по Переписной книге 1686/87 гг.	Краткое описание по Переписной книге	Лист по Переписной книге	Современный инвентарный номер
9	да сверх прежней описной книги булава булатная	Л. 105 об	ММК инв. № Ор-970
14	булава булатная кизылбашская с путиками	Л. 109	ММК инв. № Ор-3795
3	шестопер булатной	Л. 122	ММК инв. № Ор-963
1	Топорок персидской булатной золото врезывано на обеих сторонах и на обушке мишени ….	Л. 132 об.	ММК инв. № Ор-188
1	Два топора турские булат красной по обухи наведены золотом на обе стороны, под	Л. 133 об.	ММК инв. № Ор-2234 ММК инв. № Ор-2235

	обухом по две мишени на обе стороны, под мишени в клеймах по орлу с корунами….		
2	Два топора турские булат красной, каймы по обухи наведены золотом на обе стороны, под обухи мишени и мишени по клейму, в клеймах по орлику с коруны по обе стороны наведены золотом, середи топоров репьи прорезаны….	Л. 134	ММК инв. № Ор-2238 ММК инв. № Ор-2239

ПРИЛОЖЕНИЕ 4. Палаши:

№ по Переписной книге 1686/87 гг.	Описание клинка в Переписной книге	Лист по Переписной книге	Современный инвентарный номер
	Палаши с золотой оправой		
3	полаш полоса булатная на ней с обе стороны по два дола	Л. 75 об.	ММК инв. № Ор-196/1-2
	Палаши с серебряной оправой		
2	палаш булатной наведен с правой стороны золотом	Л. 78 об	ММК инв. № Ор-4444/1-2

3	палаш полоса булат красной	Л. 79	ММК инв. № Ор-4441/1-2
4	полаш полоса булатная	Л. 80 об	ММК инв. № Ор-4439/1-2
7	палаш полоса булатная	Л. 83	ММК инв. № Ор-4437/1-2
8	палаш полоса булатная	Л. 84	ММК инв. № Ор-194/1-2

Библиография

Альшиц Д.Н. Новый документ о людях и приказах опричного двора Ивана Грозного после 1572 г. // Исторический Архив. Вып. 4. 3-71. М-Л., 1949.

Арендт В.В. К вопросу о «мечах харалужных» в Слова о полку Игореве // Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А.С. Орлова. Л. 1934.

Арендт В.В. Булат // Искры науки. Издательство газеты «Гудок». Январь. 1929 г. № 1.

Арсеньев Ю. Оружейный приказ при царе Михаиле Федоровиче // Вестник археологии и истории, издаваемый Санкт-Петербургским Археологическим институтом. Вып. XV СПб., 1903.

Вельтман А.Ф. Московская Оружейная Палата. Издание второе. М., 1860.

Винклер П. Оружие. Руководство к истории, описанию и изображению ручного оружия с древнейших времен до начала XIX века. М. 1992.

Висковатов А.В. «Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению» Т. I. СПб. 1841.

Гордеев Н.В. Русское огнестрельное оружие и мастера-оружейники Оружейной палаты XVII века. Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954.

Государева Оружейная палата. Под редакцией В.Е. Тумановского. СПб. 2002.

Государственные музеи Московского Кремля. М.: Искусство, 1984. Вып. 4.

Гуревич Ю.Г. Загадка булатного узора. М. 2010.

Железнов В.Ф. Исторические сведения о булате в России // Беляев Н.Т. О булатах. (с приложением Исторических сведений о булате в России В.Ф. Железнова и Описания коллекции восточного оружия Д.К. Чернова) СПб. 1906.

Изборник. Повести Древней Руси. Сос. Л.А. Дмитриева. М. 1986.

Курмановский В.С. Сабельные клинки в России XVI – XVII веков. Диссертация на соискание степени кандидата исторических наук. М., 2010 РГБ OD 6110-7/440.

Курмановский В.С. Сабли из позднесредневековых погребений Кубанской области в собрании Отдела археологии ГИМ // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. 150-162. Тула, 2014.

Ларченко М.Н. Новые данные о мастерах-оружейниках Оружейной палаты первой половины XVII в. // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. II. 24-38. М. 1976.

Ларченко М.Н. К вопросу о работе так называемых «польских» мастеров в Оружейной палате во второй половине XVII века // Материалы и исследования. Государственные музеи Московского Кремля. Вып. 4. 185-192. М.: Искусство, 1984.

Ленц Э.Э. Императорский Эрмитаж. Указатель отделения Средних веков и эпохи Возрождения. Часть I. Собрание оружия. СПб. 1908.

Ленц Э.Э. Опись собрания оружия графа С. Д. Шереметева. СПб. 1895.

Малоземова Е. И. Иран и Россия в культурном диалоге: «русско-иранская» сабля из коллекции Государственного Эрмитажа // Россия-Иран: диалог культур. 159-165. СПб. 2017.

Маскевич С. Дневник 1594-1621 Сказания современников о Дмитрии Самозванце. Т. 1. СПб. 1859.

Опись Московской Оружейной палаты. Ч. IV. Книга 3 Холодное оружие. М. 1885.

Орленко С.П. Мечи и протазаны. К вопросу о церемониальных новациях русского двора в середине XVII века // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. 22. 45-88. М., 2014.

Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. Под ред. В. Ф. Ржиги. Москва. 1961.

Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV-XVI вв. Под ред. Д.С. Лихачева. Ч. 1. Л. 1988.

Смирнова Е.И. К вопросу об авторстве книг «Холодное оружие», «Броня» и «Огнестрельное оружие» Описи Московской Оружейной палаты // Материалы и исследования. Музеи Московского Кремля. Вып. I. 34-40. М. 1973.

Сокровища османских султанов. Из собрания Музея дворца Топкапы, Стамбул. Каталог выставки. М. 2010.

Средневековая андалузская проза. Сост. М.М. Малышев. М. 1985.

Тальман Е. М. Ремесленное ученичество Москвы в XVII в. // Исторические записки. Т. 27. М. 1948

Тихомирова Е.В. К вопросу об оружиеведческих исследованиях булата // Состояние, проблемы и перспективы восстановления технологии получения дамасской стали, булата и металлических композитов. Под ред. Архангельского Л.Б. М., 2012.

Kwaśniewicz W. Szabla polska od XV do końca XVIII w. Zielona Góra, 1988.

References

Al'shic D.N. (1949). Novyj dokument o ljudjah i prikazah oprichnogo dvora Ivana Groznogo posle 1572 g. [A new document about the people and orders of the oprichnik court of Ivan the Terrible after 1572]. *Istoricheskij Arhiv* [Historical Archive]. Vyp. 4. 3-71. Moscow-Leningrad.

Arendt V.V. (1929). Bulat [Wootz]. *Iskry nauki* [Sparks of science]. Izdatel'stvo gazety «Gudok» Publ. January № 1.

Arendt V.V. (1934). K voprosu o «mechah haraluzhnyh» v Slova o polku Igoreve [On the issue of the “haraluzhny swords” in the The Tale of Igor's Campaign]. *Sbornik statej k sorokaletiju uchenoj dejatel'nosti akademika A.S. Orlova* [Collection of articles on the fortieth anniversary of the academic activities of academician A.S. Orlova]. L.

Arsen'ev Ju. (1903). Oruzhejnyj prikaz pri care Mihaile Fedoroviche [Order of Arms with Tsar Mikhail Fedorovich]. *Vestnik arheologii i istorii, izdavaemyj Sankt-Peterburgskim Arheologicheskim institutom* [Bulletin of Archeology and History, published by the St. Petersburg Archaeological Institute]. Vyp. XV. SPb.

Gordeev N.V. (1954). *Russkoe ognestrel'noe oruzhie i mastera-oruzhejniki Oruzhejnoj palaty XVII veka* [Russian firearms and master gunsmiths of the 17th century Kremlin Armory]. Moscow.

Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja [State museums of the Moscow Kremlin]. Vyp. 4. M.: Iskusstvo Publ., 1984.

Gosudareva Oruzhejnaja palata [Kremlin Armory]. Ed. V.E. Tumanovskogo. SPb., 2002.

Gurevich Ju.G. (2010). *Zagadka bulatnogo uzora* [Riddle of bulat pattern]. Moscow.

Izbornik. Povesti Drevnej Rusi [Handwritten collection. Tale of ancient Russia]. Ed. L.A. Dmitrieva. Moscow. 1986.

Kurmanovskij V.S. (2010). *Sabel'nye klinki v Rossii XVI – XVII vekov* [Saber blades in Russia XVI - XVII centuries]. Diss. kand. ist. nauk. [Thesis for the Candidate's Degree in Art history] Moscow. RGB OD 6110-7/440.

Kurmanovskij V.S. (2014). Sabli iz pozdnesrednevekovyh pogrebenij Kubanskoj oblasti v sobranii Otdela arheologii GIM [Sabers from the late medieval burials of the Kuban region in the collection of the Department of Archeology of the State Historical Museum]. *Voinskie tradicii v arheologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ja* [Military traditions in the archaeological context: from the late late to the late Middle Ages]. 150-162. Tula.

Kwaśniewicz W. (1988). *Szabla polska od XV do końca XVIII w.* [Polish saber from the 15th to the 18th century]. Zielona Góra.

Larchenko M.N. (1976). Novye dannye o masterah-oruzhejnikah Oruzhejnoj palaty pervoj poloviny XVII v. [New data on the master gunsmiths of the Kremlin Armory in the first half of the seventeenth century]. *Materialy i issledovanija. Muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and research. Moscow Kremlin Museums]. Vyp. II. 24-38. Moscow.

Larchenko M.N. (1984). K voprosu o rabote tak nazyvaemyh «pol'skih» masterov v Oruzhejnoj palate vo vtoroj polovine XVII veka [On the issue of the work of the so-called "Polish" masters in the Kremlin Armory in the second half of the XVII century]. *Materialy i issledovanija. Gosudarstvennye muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and Studies. State museums of the Moscow Kremlin]. Vyp. 4. 185-192. Moscow, Iskusstvo Publ.

Lenz E.E. (1895). Opis' sobranija oruzhija grafa S. D. Sheremeteva [Inventory of the collection of weapons of Count S. D. Sheremetev]. SPb.

Lenz E.E. (1908). *Imperatorskij Jermitazh. Ukazatel' otdelenija Srednih vekov i jepohi Vozrozhdenija. Chast' I. Sobranie oruzhija* [Imperial Hermitage. Index of the Department of the Middle Ages and the Renaissance. Part I. Collection of weapons.]. SPb.

Malozemova E. I. (2017). Iran i Rossija v kul'turnom dialoge: «russko-iranskaja» sablja iz kollekcii Gosudarstvennogo Jermitazha [Iran and Russia in the cultural dialogue: the “Russian-Iranian” saber from the collection of the State Hermitage]. *Rossija-Iran: dialog kul'tur* [Russia-Iran: the dialogue of cultures]. 159-165. SPb.

Maskevich S. (1859). *Dnevnik 1594-1621 Skazanija sovremennikov o Dmitrii Samozvance* [Diary 1594-1621 Legends of contemporaries about Dmitry the Impostor]. V. 1. SPb.

Opis' Moskovskoj Oruzhejnoj palaty. Ch. IV. Kniga 3. Holodnoe oruzhie [Inventory of the Moscow Armory. Part IV. Book 3. Cold weapons]. Moscow. 1885.

Orlenko S.P. (2014). Mechi i protazany. K voprosu o ceremonial'nyh novacijah russkogo dvora v seredine XVII veka [Swords and Partisans. On the issue of ceremonial innovations of the Russian court in the middle of the XVII century]. *Materialy i issledovanija. Muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and Studies. Moscow Kremlin Museums.]. Issue 22. 45-88. Moscow.

Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. Vtoraja polovina XIV-XVI vv. [Dictionary of scribes and literacy of ancient Russia. The second half of the XIV-XVI centuries]. Ed. D.S. Lihachev. Part 1. Leningrad, 1988.

Slovo o polku Igoreve. Pojeticheskie perevody i perelozhenija [The Tale of Igor's Campaign. Poetic translations and transcriptions]. Ed. V. F. Rzhigi. Moscow, 1961.

Smirnova E.I. (1973). K voprosu ob avtorstve knig «Holodnoe oruzhie», «Bronja» i «Ognestrel'noe oruzhie» Opisi Moskovskoj Oruzhejnoj palaty. [Concerning the authorship of the books “Cold Weapon”, “Armor” and “Firearms” of the Inventory List of the Moscow Armory Chamber]. *Materialy i issledovanija. Muzei Moskovskogo Kremlja* [Materials and Research. Moscow Kremlin Museums]. Issue I. 34-40. Moscow.

Sokrovishha osmanskih sultanov. Iz sobranija Muzeja dvorca Topkapy, Stambul. Katalog vystavki [The treasure of the Ottoman Sultans. From the collection of the Topkapi Palace Museum, Istanbul. Catalog of the exhibition]. Moscow, 2010.

Srednevekovaja andaluzskaja proza [Medieval Andalusian prose]. Ed. M.M. Malyshev. Moscow, 1985.

Tal'man E.M. (1948). Remeslennoe uchenichestvo Moskvy v XVII v. [Craft apprenticeship of Moscow in the XVII century]. *Istoricheskie zapiski* [Historical notes]. Vol. 27. Moscow.

Tihomirova E.V. (2012). K voprosu ob oruzhievedcheskih issledovanijah bulata [On the issue of weapons research of Bulat]. *Sostojanie, problemy i perspektivy vosstanovlenija tehnologii poluchenija damasskoj stali, bulata i metallicheskih kompozitov* [Status, problems and prospects for restoring the technology of Damascus steel, damask and metal composites]. Ed. Arhangel'skiy L.B. Moscow.

Vel'tman A.F. (1860). *Moskovskaja Oruzhejnaja Palata* [Moscow Kremlin Armory]. Second edition. Moscow.

Viskovatov A.V. (1841). *Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija rossijskih vojsk s risunkami, sostavlennoe po vysochajshemu poveleniju* [Historical description of clothes and weapons of Russian troops with drawings, compiled by the highest order]. Vol. I. SPb.

Winkler P. (1992). *Oruzhie. Rukovodstvo k istorii, opisaniju i izobrazheniju ruchnogo oruzhija s drevnejshih vremen do nachala XIX veka* [Arms. A guide to the history, description and image of hand weapons from ancient times to the beginning of the 19th century]. Moscow.

Zheleznov V.F. (1906). Istoricheskie svedenija o bulate v Rossii [Historical information about Bulat in Russia]. *Beljaev N.T. O bulatah (s prilozheniem Istoricheskih svedenij o bulate v Rossii V.F. Zheleznova i Opisanija kollekcii vostochnogo oruzhija D.K. Chernova)* [About bulat (with the attachment of Historical information about Bulat in Russia, V.F. Zheleznov and Descriptions of the Oriental Weapon Collection by D.K. Chernov]. SPb.

ВАДИМ СЕНИЧЕВ

ПРАВИЛА ИБЕРИЙСКОГО ДВУРУЧНОГО МЕЧА, СОСТАВЛЕННЫЕ ДИЕГО ГОМЕСОМ ДЕ ФИГУЭРЕДО В 1651 ГОДУ

В статье представлен краткий обзор и перевод трактата Memorial Da Prattica do Montante (MS 49.III.20.nº.21), посвященного иберийскому двуручному мечу, именуемому монтанте. Трактат написан португальским военным деятелем в титуле Mestre de Campo Диего Гомесом де Фигуэредо для своего ученика, принца Дома Теодозио де Браганса, сына короля Португалии Жана IV Восстановителя. Трактат де Фигуэредо, хотя и является наиболее поздним по времени создания, также является одним из наиболее полных трактатов, написанных об иберийском двуручном мече. В манускрипте описано тридцать два правила или regras для большого двуручного меча, призванных укрепить тело и подготовить человека к встрече с любыми противниками с любым оружием. Правила разделены на сложные и простые по технике исполнения, также в них присутствует тактическая составляющая, описывающая ситуации, в которых эти правила наиболее применимы. В заключении трактата де Фигуэредо также дает общие советы по использованию оружия, по правилам нанесения ударов и их последовательностям. Характерной чертой иберийского монтанте является его противопоставление большому числу противников с разным оружием и возможность применения его как в ограниченном пространстве, так и на больших площадях. Трактат органически вписывается в испано-португальскую традицию практики фехтования двуручным мечом в контексте destreza comun, идущую от начала XVI века. Наставление де Фигуэредо может считаться каноническим для этого оружия, так как некоторые из включенных в него правил

полностью совпадают с правилами, описанными в самых ранних из дошедших до нас источников об иберийской традиции двуручного меча.

***Ключевые слова**: фехтование, двуручный меч, монтанте, montante, destreza comun, Португалия.*

В середине XVII века, после расторжения Иберийской Унии Португалии и Испании, началась война за независимость Португалии. Одним из участников этой войны был Диего Гомес де Фигуэредо. Его военная карьера началась в 1626 году в составе армады, направлявшейся из Лиссабона во Фландрию. Во время войны за независимость он участвовал как минимум в трех из пяти крупных сражений, а также в обороне Альмейды. Будучи мастером фехтования, он обучал принца Дома Теодозио, герцога Брагансы и будущего первого принца Бразилии, которому и посвятил свой манускрипт. Кроме работы о двуручном мече перу дона Диего принадлежит и труд «Oplosophia e Verdadeira Destreza das Armas» (MS Vermelho.nº.91), написанный в 1628 году (Figueyredo 2013; Puey 2016).

Манускрипт MS 49.III.20.nº.21, написанный де Фигуэредо, состоит из 8 листов и хранится в Biblioteca da Ajuda в Лиссабоне. В манускрипте представлены 32 regras или правила, позволяющие освоить большой иберийский меч, именуемый montante. Монтанте появляется на полуострове в начале XVI века. В соответствии с определением, данным «Tesoro de la Lengua Castellana y Española», в словаре кастильского испанского языка, который составил Себастьян де Коваррубиас в 1611 году, монтанте - это «двуручный меч, известное и уважаемое оружие. Происходит от montar, итальянского слова, обозначающего «движение вверх», возможно от того, что montante бывает выше человеческого роста, или от того, что им сражаются высоко». (Covarrubias 1611).

Размеры меча, указанные в другом манускрипте иберийской традиции, «Nueva ciencia, y filosofía de la destreza de las armas», составленном маэстро Пачеко де Навраезом ок. 1635 года (Pacheco 1672), описаны как «равные росту человека, то есть двум vara castellana». Кастильская мера длины равняется

83,59 см, то есть примерно 168-170 см (Myers, Hick 2009). Также маэстро указывает, что соотношение рукояти к клинку должно быть равным 6 к 2, то есть приблизительно 125,4 см клинок и 42 см рукоять.

Правила, описанные в манускрипте, Фигуэредо разделяет на простые и сложные (simplez e compostas), которые представляют собой добавление в связки ударов и уколов дополнительных технических элементов.

Контекст использования подобных мечей можно вывести из тактических правил, описанных как Диего де Фигуэредо, так и другими мастерами этой традиции. Сами правила можно разделить на две группы. В первую можно отнести «общие» правила, в которых описаны только действия и не описаны противники или окружение. Вторую группу можно условно назвать «тактической», в которой описан контекст применения меча, такой как бой на узкой улице, бой в окружении, защита ценностей, защита человека и защита галеры. Всего одно правило, под номером VI, Фиогуэредо посвящает противодействию другому противнику с монтанте. Также среди тактических правил можно отметить, что только защита галеры и окружение могут быть отнесены к военным ситуациям, остальные же скорее говорят о гражданском контексте и самообороне. Здесь уместно будет привести цитату из труда Джакомо ди Грасси, описывающую применение двуручного меча во второй половине XVI века:

«Двуручный меч, каким он бытует в наши дни, позволяет положить на рукоять четыре ладони или более, также имеет большое перекрестье. Он способен противостоять как равному ему, так и любому иному оружию, о котором я упоминал. И от того, он может, как галеон среди галер, противостоять многим мечам или другому оружию, во время войн его располагают рядом со знаменем или командиром, чтобы защитить его, потому что он сам по себе в состоянии бороться со многими, и от того пригоден для защиты других. Также в наши дни его привыкли носить в Городе, как ночью, так и днем, когда есть вероятность, что немногие вынуждены будут противостоять очень многим» (Grassi 1594, 93).

Глоссарий:

Talho – «прямой» удар. Наносится справа налево. Он может наноситься как в восходящем, так и в прямом и нисходящем виде. Для правил монтанте по умолчанию используется восходящий вариант. Прямой удар традиционно наносится прямым лезвием меча.

Revez – «обратный» удар, то есть наносящийся слева направо. Направление удара также может быть восходящим, нисходящим или прямым. Обратный удар традиционно наносится обратным лезвием меча.

Altabaxo – нисходящий удар. Такое указание ставится в нескольких местах текста, особо указывая на то, что этот удар идет сверху вниз. Чаще всего это необходимо для более естественного и комфортного продолжения той или иной связки ударов.

Estocada – укол. Фигуэредо называет два типа уколов: «над правой рукой» и «над левой рукой». Укол «над правой рукой» предполагает, что ладонь правой руки повернута вверх и навершие меча находится напротив левого плеча. Укол «над левой рукой» подразумевает, что левая ладонь повернута вверх и навершие меча находится напротив правого плеча.

Montante negro – «черный монтанте», не заточенная версия монтанте, используемая для отработки упражнений, а также являющаяся своеобразным жезлом тренера в фехтовальном зале.

Cingido – окружающий или круговой удар. Означает удар вокруг тела, который наносится так, чтобы меч проходил за спиной и возвращался в начальную точку.

Памятка о практике монтанте, состоящая из шестнадцати простых и шестнадцати сложных упражнений.
Записанная в Алькантаре, для наиболее почтенного герцога Дома Теодозио (да хранит его Господь) маршалом Диего Гомесом де Фигуэредо, его учителем в науке боя, 10-го мая 1651.[1]

I простое правило

Первое правило раскрывает всю элегантность монтанте, и кто сможет исполнить его верно, тот сможет исполнить и все иные правила. Расположи свое тело прямо, с левой ногой впереди, острие монтанте направь в землю. Возьми меч возле перекрестья правой рукой, большой палец направив вниз, и отсюда подбрось его вперед, подбивая правой ногой и поворачивая монтанте вверх. Из этого положения нанеси 'talho' снизу вверх, шагая правой ногой вперед одновременно с ударом и останавливая меч в верхней позиции перед лицом. Отсюда смести монтанте так, чтобы нанести 'revez', ударяя другим лезвием меча, так же снизу вверх и в то же время шагая левой ногой вперед и останавливая монтанте перед лицом. Вернуться из этой атаки следует, шагая левой ногой назад, нанося 'talho' такой же, как в первый раз, а затем, шагая правой ногой назад, нанося 'revez'. Помни, что тело всегда должно разворачиваться в ту сторону, в которую идет удар. В конце правила, стоя неподвижно, нанеси 'talho' к левому плечу и верни монтанте острием на землю, как в начале, и все правила черного монтанте будут начинаться и заканчиваться в такой же манере, как первое.

I сложное правило

Все сложные правила противодействуют простым, и в этом основа сложных правил. Итак, расположившись с левой ногой вперед, нанеси 'talho' снизу вверх, вместе с которым сделай шаг правой ногой, останавливая монтанте

[1] Memorial Da Prattica do Montante Que inclue dezaseis regras simples, e dezaseis compostas Dado em Alcantara Ao Serenissimo Principe Dom Theodozio q. Ds. G.de Pello Mestre de Campo Diogo Gomes de Figueyredo, seu Mestre Na ciencia das Armas Em 10 de Mayo de 1651

перед лицом. Затем позволь монтанте провернуться направо, нанося 'altabaxo', шагая левой ногой, а затем еще один 'talho' снизу вверх, шагая правой ногой вперед и останавливая монтанте перед лицом. Отсюда нанеси 'revez', так же снизу вверх и в то же время шагая левой ногой вперед, останавливая монтанте перед лицом, а затем позволь монтанте сместиться налево и нанеси 'altabaxo revez', шагая правой ногой вперед, а когда монтанте остановится, снова нанеси 'revez' снизу вверх, двигаясь левой ногой вперед, и останавливая монтанте перед лицом. Затем вернись из атаки, делая те же удары и шаги, что ты делал сейчас, но двигаясь назад, пока не дойдешь до места, где начал атаку.

II простое правило

Встань левой ногой впереди и с шагом правой ногой нанеси 'talho' так, чтобы монтанте стал направлен острием вперед и руки высоко перед глазами. Затем с шагом левой ногой нанеси 'revez', и сразу же шагнув назад, сделай 'talho', снова останавливая монтанте высоко, а затем шагни назад правой ногой и нанеси 'revez', а затем 'talho' к плечу, и верни монтанте в исходное положение.

II сложное правило

Подними монтанте острием вперед над правым плечом, встав левой ногой вперед. Затем шагни правой ногой и наноси 'talho', вынося монтанте вперед, высоко перед лицом, чтобы пронести его над головой и за плечами и опустить слева от себя, чтобы ты смог легко и не останавливаясь нанести круговой 'revez', а затем 'talho' так, чтобы монтанте снова остановился у тебя перед лицом. Оттуда, делая шаг левой ногой вперед, нанеси 'revez', останавливая монтанте высоко, острием вперед, а затем, пронеся его над головой, нанеси круговой 'talho' и 'revez', шагая вперед, возвращая монтанте в позицию, с которой ты начал правило. Обратное движение будет таким: сперва шагни назад левой ногой и нанеси 'talho' вперед, чтобы монтанте остановился перед лицом с острием вперед, а затем сделай 'talho' и круговой 'revez' (скорее всего, порядок ударов перепутан), завершая с монтанте в том же месте. Затем шагни

правой ногой назад, нанося 'revez' и останавливая его высоко, а затем 'talho' и круговой 'revez', заканчивая с монтатне в том месте, где ты начал это правило.

III простое правило

Встань левой ногой вперед и нанеси 'talho' из-за спины, не сходя с места, и еще один 'talho', шагая правой ногой. Затем нанеси 'revez' из-за спины, не сходя с места, и еще один 'revez', шагая левой ногой вперед. Затем вернись из атаки, сделав 'talho' из-за спины, не двигаясь с места, и еще один 'talho', шагая левой ногой назад, а потом 'revez' из-за спины, не шагая с места и еще один 'revez', шагая правой ногой назад, заканчивая там же, где ты начал это правило.

III сложное правило

Это правило служит для того, чтобы отогнать противников от себя. Сперва нанеси 'talho' из-за спины, не сходя с места, и еще один 'talho', шагая правой ногой и готовясь нанести укол справа, который нужно нанести, не сходя с места, а затем, шагая левой ногой и нанося 'revez', а за ним еще один 'talho' справа, шагая сперва левой, затем правой ногой. Продолжай это правило, нанося еще один укол, как было сказано выше, продвигаясь вперед, пока не отобьешься от врагов.

IV простое правило

Встань левой ногой вперед и нанеси 'talho' из-за спины, не делая шага, и еще один вперед, шагая правой ногой, а затем нанеси укол над правой рукой, не сходя с места. Затем сделай 'revez', шагая левой ногой, и сразу убери ее назад, сделав 'talho' и нанеся еще один укол над правой рукой, не сходя с места. Идя назад, сделай 'revez', пока не придешь туда же, где начал это правило.

IV сложное правило

Это правило для того, чтобы сражаться с людьми спереди и сзади тебя. Начни с 'talho' из-за спины, стоя левой ногой впереди, и нанеси еще один, ша-

гая правой и готовя укол над правой рукой, который ты нанесешь назад, убирая правую ногу. Затем с шагом левой ногой нанеси 'revez', и, убирая эту ногу назад, сделай 'talho', приготовив еще один укол, который ты нанесешь, не сходя с места, а затем, уходя назад правой ногой, сделай 'revez', возвращаясь туда, где начал это правило.

V простое правило

Приготовь укол над левой рукой, встав правой ногой позади, и нанеся его, не сходя с места, шагни правой ногой вперед и нанеси 'talho', за которым последует укол над правой рукой. Затем шагни левой ногой, нанося 'revez', и закончив удар, сделай укол над левой рукой (продолжающий то же движение, которым ты нанес 'revez'). Уходя назад левой ногой, нанеси 'talho', заканчивая еще одним уколом, который ты нанесешь без шага (и продолжающим то же движение, которым ты нанес 'talho') и, уходя правой ногой, нанеси еще один 'revez', чтобы закончить правило там же, где ты его начал.

V сложное правило

Встань в пол-оборота левой ногой вперед и приготовь укол над левой рукой, который ты нанесешь, не делая шага, а затем сделай 'talho' из-за спины, не сходя с места, и еще один, шагая правой ногой и готовя укол над правой рукой, который ты нанесешь, не делая шага. Затем, в той же манере нанеси 'revez' из-за спины, а затем еще один, шагая левой ногой, после чего нанося укол и следующий за ним 'talho' из-за спины и еще один, вместе с которым ты шагнешь левой ногой назад, после чего нанесешь еще один укол. Затем заверши правило, нанеся 'revez' из-за спины и еще один, убирая правую ногу назад.

VI простое правило

Это правило зовется Битва Монтанте, и это единственное правило, которое может справиться с другим монтанте. Нанеси 'talho' из-за спины, не сходя с места, и еще один, шагая правой ногой вперед, приходя в позицию с руками и мечом перед лицом и острием, направленным на противника. Ты будешь

постоянно двигаться на противника, отбивая удары его montante с помощью 'revez', который будешь наносить снаружи и шагать вперед, а затем нанося 'talho' в ближайшую к тебе ногу и возвращаясь в позицию. И продвигаясь в такой манере, защищайся с той же стороны и нанеси 'talho' в правую руку противника, снова восстанавливая позицию, и помни, что все сбивы 'revez' делаются обратным лезвием.

VI сложное правило

Несмотря на то, что редко один монтанте встречается с другим, когда это случается, тебе нужно полагаться на свое знание природы движения, как шагов, так и ударов montante, которые происходят от ударов меча. Основываясь на знании меча, ты можешь понять качества монтанте, его слабости и силу, с единственным исключением в том, что все защиты, сбивы и атаки монтанте должны содержать в себе движение всего тела. Отвечая противнику, ты должен быть готов действовать в соответствии с большой мощью ударов монтанте. Этого обобщения будет достаточно для тех, кто знает истинное искусство меча, которое лежит в основе всего оружия, которое только было изобретено.

VII простое правило

Это правило поможет отбиться от людей на улице и помешать им пройти от одного конца до другого. Нанеси 'talho' вперед, в направлении, где находятся люди, шагнув вперед так, что ты пересечешь дорогу, и, продолжая движение той же ногой, нанеси еще один 'talho', как и первый. Развернувшись, чтобы снова перейти дорогу, ты окажешься направленным в ту же сторону, что и в начале, нанеся 'revez' с шагом правой ноги и еще один, еще раз шагнув. Если дорога достаточно широка, ты можешь нанести больше 'revez' или больше 'talho' в такой же манере.

VII сложное правило

Нанеси 'talho' с левой ноги, снизу вверх, и 'revez', так же двигаясь к одному концу улицы, снизу вверх, шагая правой ногой, а затем еще один 'talho' и

'revez' в той же манере, и всегда останавливая монтанте перед лицом. Если ты хочешь развернуться к тому месту, откуда начал правило, ты (нанеся еще один 'talho'), нанеси в том же направлении 'revez' с шагом правой ноги, а затем 'talho' с левой ноги, и на каждый шаг наноси удар, всегда снизу вверх, перемежая 'revez' и 'talho', пока не остановишь людей.

VIII простое правило

Это правило – против родельерос[2]. Не сходя с места, нанеси 'talho' из-за спины, наклоняясь вперед, и еще один, шагая правой ногой и разворачиваясь с монтанте так, чтобы в конце ты смотрел на то место, откуда нанес первый 'talho', и затем нанеси 'revez', не сходя с места и еще один, шагая левой ногой вперед, разворачиваясь с монтанте через правое плечо так, чтобы в конце ты смотрел на то место, откуда начал. Ты завершишь это правило, сделав 'talho' и убирая левую ногу назад, снова разворачиваясь и нанося 'revez', убирая правую ногу назад. Затем нанеси 'talho' из-за спины, не сходя с места, и еще один, шагая назад правой ногой, и еще один, убирая левую ногу назад и нанося 'revez', не сходя с места, и еще один, шагая правой ногой, и еще один, убирая правую ногу назад. Эти последние удары взяты из шестнадцатого сложного правила, заучив которое, ты так же сможешь включить в это правило четырнадцатое простое правило.

VIII сложное правило

Нанеси 'talho', оставляя левую ногу впереди, и еще один, шагая правой ногой, и разворачиваясь, нанеси 'revez', находясь на правой ноге, и еще один, шагая правой ногой вперед и разворачиваясь. Затем нанеси 'talho', шагая левой ногой, и еще один, шагая правой и разворачиваясь, а затем 'revez', шагая правой и еще один, шагая левой и разворачиваясь, а затем 'talho', шагая левой ногой и еще один, шагая правой, и если захочешь развернуться еще раз, продолжай двигаться правой ногой, или если захочешь вернуться обратно, начни правило заново. Делай широкие и быстрые шаги.

---

[2] Бойцы с круглыми щитами на локтевом хвате, с XVI века и вплоть до конца 30 летней войны использовались внутри терций и как штурмовые части.

IX простое правило

Это правило служит для боя на узкой улице. Делай его, нанося 'talho' снизу вверх, шагая правой ногой вперед, и затем, позволяя монтанте опуститься справа от тебя, нанеси 'altibaxo', готовясь ударить навершием монтанте с правой стороны, и ты сделаешь это, шагнув правой ногой. Повтори это правило снова, развернувшись в другую сторону, нанося те же удары, пока не понадобиться снова развернуться в другом направлении.

IX сложное правило

Встань левой ногой впереди и нанеси 'talho' снизу вверх и шагни вперед противоположной ногой, то есть правой, а затем сделай еще шаг противоположной ногой, то есть левой, и нанеси 'revez'. Потом нанеси 'talho' снизу вверх, готовя укол над правой рукой, который ты нанесешь, убирая правую ногу назад, возвращаясь туда же, где ты начал правило, но затем сразу же нанеси еще один укол, поднимая навершие над правым плечом и шагая вперед правой ногой. Затем, повернувшись, ты сможешь начать правило заново, но в обратную сторону, выполняя те же позиции, удары, шаги и уколы, какие делал до того.

X простое правило

Это правило зовется Защитой Дамы, и предполагается, что она скрывается за твоими плечами, и ты желаешь ее защитить. Встань ровно и держи ноги широко и отсюда наноси 'talho', шагая левой ногой на ширину одной ладони вперед, смотря в сторону, в которую движется твой монтанте, и останавливая его перед лицом. Затем нанеси 'revez', двигаясь правой ногой в том же направлении, и 'talho', двигаясь левой, и еще один 'revez', в такой же манере, как раньше. Затем нанеси 'talho', не сходя с места и 'revez', убирая правую ногу. Правило следует продолжить, нанеся два 'talho' и два 'revez' не сходя с места и прижимая левую руку к телу, такие удары обычно зовутся «мухобойкой» и их можно так же встретить в тринадцатом сложном правиле.

X сложное правило

Встань прямо, как бы на одну сторону квадрата, и нанеси 'talho', шагая левой ногой вперед и направляясь к левому углу, и оттуда развернись, готовя укол над правой рукой и нанося его, шагая правой ногой к правому углу по диагонали от тебя. Оттуда нанеси 'talho', как в первый раз, двигаясь левой ногой по диагонали, и оттуда нанеси 'revez' снизу вверх, шагая по диагонали направо правой ногой и следом готовя укол над левой рукой, который ты нанесешь в левую сторону, шагая левой ногой по левой диагонали, а затем повернешься и нанесешь 'revez' снизу вверх, шагая правой ногой по правой диагонали. Заверши это правило, убирая правую ногу и нанося 'talho', а затем 'revez', переходя на левую ногу и готовясь к уколу над левой рукой, который ты нанесешь, не сходя с места, и так же после этого нанеси 'revez', не сходя с места и 'talho', шагая правой ногой, и 'revez', уходя левой назад.

XI простое правило

Это правило зовется Защитой Трапа Галеры, и чтобы выполнить его, нанеси горизонтальный 'talho' вперед, не сходя с места, и еще один, шагая вперед правой ногой и останавливая монтанте перед лицом и приходя в ту же позицию, что в начале правила. Затем нанеси горизонтальный 'revez', не сходя с места, и еще один, шагая правой ногой. Затем, ставя левую ногу вперед, приготовь укол над правым плечом, который ты нанесешь, шагая правой в обратную сторону так, чтобы ты закончил правило, развернувшись.

XI сложное правило

Стоя правой ногой вперед, нанеси горизонтальный 'talho' в левую сторону, шагая левой ногой вперед, и приготовь укол над правой рукой, который ты сделаешь, шагая правой ногой вперед. Затем нанеси еще один горизонтальный 'talho', как и в первый раз, шагая левой ногой вперед, и еще один укол, шагая правой. Затем вынеси левую ногу вперед, нанося круговой горизонтальный 'revez' без шага, и оттуда нанеси 'talho', разворачиваясь левой ногой и начиная правило в обратном направлении с теми же ударами, что я описал выше.

XII простое правило

Это правило подходит для боя с людьми спереди и позади тебя, и чтобы выполнить его, нанеси 'talho' с противоположной ноги, то есть с левой, готовя укол над правой рукой, который ты нанесешь, не сходя с места. Затем сделай разворот левой ногой и, нанося 'revez' и дав монтанте провернуться в правую сторону, нанеси 'talho', не сходя с места и готовя еще один укол в такой же манере, и нанеся его, не сходя с места, снова сделай разворот левой ногой, нанося 'revez', а затем продолжи правило, нанося 'talho', все время двигаясь через правую ногу, когда разворачиваешься.

XII сложное правило

Встань ровно и нанеси 'talho', делая маленький шаг левой ногой вперед, но не слишком сильно, готовясь нанести укол над правой рукой, который ты нанесешь, шагая правой ногой направо и делая еще один шаг левой. Затем развернись левой ногой, нанося круговой 'revez', и затем сделай 'talho', не сходя с места, и еще один, шагая правой ногой вперед. Затем приготовь укол над правой рукой, который ты нанесешь, шагая вперед левой ногой, и круговой 'revez', с которым ты развернешься правой ногой назад, и, вращаясь, постоянно двигайся вперед левой ногой, и если нужно, начни правило заново, как я уже описал.

XIII простое правило

Это правило зовется Защитой Плаща, потому что служит для того, чтобы отбить плащ, упавший на землю, или тот, который бросили тебе под ноги, чтобы помешать. Встань в широкую позицию и нанеси 'talho', не сходя с места, и еще один, шагая правой ногой, и еще один, разворачиваясь правой ногой, как винт, вокруг левой ноги. Заверши это правило, нанеся 'revez' не сходя с места, и еще один, шагая левой ногой, и еще один, разворачиваясь той же левой ногой. Для нанесения 'revez' всегда поворачивайся вокруг правой ноги, которую ты не будешь двигать с места, точно так же, как ты поступал с левой ногой, которая служила как бы осью для тебя, когда ты наносил 'talho'.

XIII сложное правило

Это сложное правило исполняется в той же манере, что и простое, но после того, как ты нанесешь первые три 'talho', поворачиваясь вокруг левой ноги, и находясь в хорошей устойчивой позиции, добавь круговой 'revez' и круговой 'talho', а затем еще один 'revez' и 'talho', нанося удары подобно мухобойке. И после нанесения трех 'revez', которые ты делал, поворачиваясь вокруг правой ноги, снова добавь круговой 'talho' и круговой 'revez', а затем еще один 'talho' и 'revez', прижав левую руку к телу, чтобы удары были более сильными.

XIV простое правило

Это правило служит против метательного оружия или против древкового оружия в двух руках. Встань крепко и расположи монтанте под тупым углом, слегка наклонив корпус, и приготовься нанести 'talho' по оружию, которое брошено в тебя или которым в тебя колют, и отбей его влево от себя. Затем сильно и широко шагни, поворачиваясь и нанося еще один 'talho' в того, кто тебя атакует. Либо защитись, используя 'revez', в зависимости от того, в какую сторону направлено оружие, нацеленное в тебя, а затем нанеси еще один 'revez', шагнув широко и разворачиваясь так, чтобы достать противника своим ударом.

XIV сложное правило

В этом правиле используются две универсальные позиции: для первой встань прямо, как бы на одной стороне квадрата, с правой ногой впереди, а монтанте расположи под тупым углом с правой стороны от себя по диагонали, чтобы правая рука находилась на уровне пояса справа и отбивала уколы, направленные в левую сторону груди, с помощью 'talho', и сразу после этого наноси еще один, с сильным прыжком, как описано в простом правиле, и закончи с 'revez'. Либо, сделав защиту первым 'talho', приготовь укол над правой рукой и нанеси его, шагая левой ногой вперед и затем правой, и закончи, нанеся 'revez' с шагом левой. Для второй позиции встань правой ногой впереди, монтанте расположи под тупым углом слева от себя по диагонали, чтобы

отбивать уколы, направленные в правую сторону груди, с помощью 'revez', и приготовь удар навершием с правого плеча, который ты нанесешь, шагая левой ногой вперед, а затем правой, и в конце сделай 'revez', шагая снова левой ногой. В первом позиции, если удар противника нацелен ниже пояса, отбей его ударом, идущим под острым углом по левой диагонали (имеется ввиду удар снизу справа, аналогичный sottano или unterhau), смещаясь всем телом за боковую линию квадрата в правую сторону и позволяя монтанте пройти полный круг слева от тебя, развернись левой ногой, за которой последует шаг правой, нанеси 'altibaxo' и приготовь укол над правой рукой, который ты нанесешь, шагая левой ногой вперед, а закончишь движение с 'altibaxo de revez'.

XV простое правило

Это правило служит для того, чтобы развести двух дерущихся. Встань прямо с левой ногой впереди и нанеси 'talho' в левую сторону снизу вверх, завершая в позиции, в которой твой монтанте будет перед лицом, и затем шагни правой ногой вперед и нанеси 'revez' снизу вверх в правую сторону, также завершая в позиции, в которой твой монтанте остановится перед лицом. Продолжай, нанося 'talho' в той же манере, что и в первый раз, и 'revez' в той же манере, а затем еще один 'talho', шагая правой ногой так, чтобы ты развернулся в левую сторону, и затем еще один 'talho', разворачиваясь туда, где ты начал правило, шагая правой ногой и завершая с монтанте перед лицом с левой стороны. Продолжай правило так же, как ты начинал его, если будет необходимо.

XV сложное правило

Встань левой ногой впереди и нанеси 'talho' снизу вверх, шагая правой ногой вперед и останавливая монтанте перед лицом с левой стороны под тупым углом, и оттуда нанеси 'altibaxo' с той же стороны, проворачивая монтанте над левым плечом, а оттуда нанеси 'revez' снизу вверх к правой стороне, шагая левой ногой вперед и заканчивая с монтанте с правой стороны под тупым углом, откуда ты нанесешь 'altibaxo', проворачивая монтанте над правым пле-

чом. Затем снова нанеси 'talho' как в начале и прибавь 'altibaxo' с той же стороны, а затем 'revez' как в первый раз и прибавь 'altibaxo de revez', все время шагая в той же манере, как я уже описывал выше. Когда тебе понадобится развернуться, нанеси 'talho', разворачиваясь правой ногой, и еще один, добавляя еще шаг правой, чтобы, разворачиваясь лицом в ту сторону, откуда ты начал правило, ты смог повторить его еще раз, развернувшись как в начале.

XVI простое правило

Это правило для боя на широкой дороге, когда противники спереди и сзади. Нанеси 'talho' из-за спины, не сходя с места, и еще один 'talho' вперед, разворачиваясь правой ногой и готовя укол над правой рукой, который ты нанесешь вперед, не сходя с места. Затем, чтобы отбить противников позади тебя, приготовь укол, расположив навершие монтанте у правого плеча, и нанеси его, шагнув правой ногой в сторону, откуда начал правило. Затем нанеси 'revez' снизу вверх, шагая левой ногой, и еще один круговой 'revez', поворачиваясь правой ногой, чтобы начать правило заново.

XVI сложное правило

Встань левой ногой впереди и нанеси 'talho' снизу вверх, поднимая монтанте над головой, чтобы провернуть его и нанести еще один 'talho', шагая правой, и еще один, убирая левую ногу назад. Затем приготовь укол над правой рукой, который ты нанесешь, не сходя с места, и еще один укол, подняв навершие над правым плечом, который ты нанесешь, шагая правой ногой вперед. Затем нанеси 'revez', убирая назад правую ногу, и, шагая левой вперед, еще один 'revez', который перейдет в укол над левой рукой, который ты нанесешь, не сходя с места, а затем сделай 'revez', убирая назад правую ногу и заканчивая в том же месте, в котором ты начал это правило. И ты можешь продолжить выполнять его, если понадобится.

Заключение дона Диего Гомеса де Фигуэредо

Эти практики монтанте готовят тебя к настоящем бою, так как эти тридцать два упражнения не только включают в себя все необходимые движения

тела, но также они вырабатывают в тебе ловкость, равную той, какая бывает нужна в настоящем бою. Хорошо усвоившего эти правила никогда не застанут врасплох ни место боя, ни оружие, ни число оппонентов, так как его мужество, умение и сила в управлении монтанте будут велики. Нужно понимать, что ни один мечник не должен слепо выполнять то или иное правило, но выбирать из них те части, которые он понимает лучше всего и которые более всего подходят для победы над его врагами, предпочитая одно правило другому с предусмотрительностью, чтобы ни спешка не помешала ему и не спутала его память, ни недостаток сил не ухудшил качество его движений.

Чтобы достичь совершенства в своей практике, каждый мечник должен знать (и это правило универсально), что каждый удар наносится так, чтобы в конце движения все тело и меч были статичны, когда используются для атаки (так как оружие используется двумя руками и требует приложения некоторой силы из-за своего веса), потому что ты можешь упасть, не будучи твердо укрепленным на земле, либо промахнувшись, либо если удар будет отбит тем, в кого ты его направил.

Также ты должен знать, что все уколы, которые наносятся над правой рукой, происходят из ударов 'talho', а все уколы над левой рукой – из ударов 'revez', а так же из ударов 'revez' происходят уколы, которые делаются, когда навершие меча оказывается над правым плечом.

Также из уколов над правой рукой могут происходить уколы, которые наносятся с навершием над правым плечом, и 'revez', если ты делаешь шаг левой ногой, или 'talho', когда убираешь ее назад. И из уколов, которые наносятся над левой рукой, могут происходить уколы, которые наносятся над правой, или 'talho', которые делаются с шагом правой ногой, или 'talho', при которых убираешь левую ногу, а также 'revez' снизу вверх, которые наносятся, убирая левую ногу. Так же, из 'talho' порождаются другие 'talho' и из 'revez' другие 'revez', и из них так же 'talho' и из 'talho' так же 'revez'. Все это должно быть сделано с шагами так, чтобы не создать себе неудобства при переходе от одного правила к другому, когда это необходимо, будь это правило простым или сложным, какое бы ты не захотел сделать следующим. И с этими увещеваниями, которые ты должен держать в уме, из этих тридцати двух

правил ты сможешь сплести единое, доказывающее совершенство, величие и превосходство такого оружия, как монтанте.

Библиография

Covarrubias O. S., Tesoro de la lengua castellana o española. Madrid: Luis Sanchez, 1611.

Di Grassi. His True Arte of Defence. London. 1594.

Figueyredo D. G., de. Oplosophia e Verdadeira Destreza das Armas. Ed. Manuel Valley Ortiz, Francisco Campo Nieto. Santiago de Compostela: AGEA Editora, 2013.

Myers, E., Hick, S. Memorial of the Practice of the Montante. The Oakeshott Institute, 2009.

Pacheco N. L. de Nueva ciencia, y filosofía de la destreza de las armas, su teórica, y práctica. Madrid : Melchor Sánchez, 1672.

Puey T., An overview of the Iberian montante. [Электронный ресурс]. http://ageaeditora.com/an-overview-of-the-iberian-montante (доступно на 16.06.2019).

References

Covarrubias O. S. (1611). *Tesoro de la lengua castellana o española* [Treasury of the Castilian or Spanish language]. Madrid.

Di Grassi (1594). His True Arte of Defence. London.

Figueyredo D. G. de (2013). *Oplosophia e Verdadeira Destreza das Armas* [Oplosophia and True Weapon Dexterity]. Ed. Manuel Valley Ortiz, Francisco Campo Nieto. Santiago de Compostela, AGEA Editora Publ.

Myers, E., Hick, S. (2009). *Memorial of the Practice of the Montante*. The Oakeshott Institute.

Pacheco N. L. de (1672). *Nueva ciencia, y filosofía de la destreza de las armas, su teórica, y práctica* [New science, and philosophy of the skill of weapons, their theory, and practice]. Madrid.

Puey T. (2016). *An overview of the Iberian montante*. Available at: http://ageaeditora.com/an-overview-of-the-iberian-montante/. (accessed 16 June 2019).

СЕРГЕЙ ТАЛАНТОВ

КЛЕЙМА ОРУЖЕЙНИКОВ ИЗ КАЗИ-КУМУХА (ДАГЕСТАН) СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Проблематика исследований дагестанского оружия первой половины - середины XIX века связана с отсутствием справочной информации о мастерах, что обусловлено это продолжавшимися в тот период на территории Восточного и Южного Кавказа боевыми действиями в ходе Кавказской войны. Поэтому исследование клейм, которые ставились на оружие в этом регионе, представляет несомненный интерес, тем более, когда такое исследование посвящено отдельно локализованному населенному пункту. Лакское селение Кузи-Кумух известно как родина таких мастеров-отходников, работавших во Владикавказе в конце XIX - начале XX вв. и получивших широкую известность, как Гузун Гузунов, Осман Омаров и другие. Кази-Кумух был столицей Казикумухского ханства (с 1860 года - Казикумухского округа) и являлся одним из центров производства оружия в Дагестане. Автору удалось обнаружить и атрибутировать клинки шашек середины XIX века, подписанные кази-кумухскими мастерами на французском языке. Таким образом, автор не только установил имена двух ранее неизвестных мастеров-клиночников, но и по характерным признакам атрибутированных клинков создал почву для продолжения исследований и обнаружения новых имен.

***Ключевые слова**: шашка, оружие Кавказа, клейма*

Кази-Кумух был столицей Казикумухского ханства (с 1860 года - Казикумухского округа) и являлся одним из центров производства оружия в Даге-

стане (Маркграф 1882, 215). Широкую известность получили такие мастера из Кази-Кумуха, как Гузунов, Мудунов и Осман Омаров, работавшие во Владикавказе в конце XIX - начале XX вв. и имевшие большие мастерские (Аствацатурян 2016, 179). Утверждение Российской империи на Кавказе определило стабильный спрос на качественное и красивое оружие, что позволило мастерам-отходникам работать в крупных региональных центрах Тифлисе и Владикавказе. В условиях конкуренции мастера старались совершенствоваться в своем ремесле, принимали участие во всероссийских и международных выставках (Указ. соч.).

После окончания войны на Кавказе российская администрация занималась сбором статистических сведений о кустарных промыслах Дагестана. Инспектор О.В. Маркграф писал в своей книге «Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства»: «Казикумух славится, как столица округа, самыми изящными образцами оружейного искусства, а также высоким мастерством в отделке вещей серебром и золотом» (Маркграф 1882, 215).

Однако о казикумухских мастерах первой половины - середины XIX века информации практически нет, что обусловлено военно-политической обстановкой в регионе в период Кавказской войны. Казикумухское ханство, вошедшее в состав Российской империи в 1820 году, в период 1830-1850-х гг. находилось в сложных отношениях с государством Имама Шамиля, периодически подвергаясь нападению со стороны наибов имамата (Гомборцы. История 1-го Кавказского стрелкового… 1898, 124, 142, 146). Источники со списками казикумухских оружейников первой половины XIX века не известны.

По сложившимся на основе ранее исследованных предметов представлениям клейма на клинках дагестанских мастеров середины XIX века могли быть нанесены на арабском языке (Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея 2006, 111), на клинках рубежа XIX-XX вв. на арабском или русском языке (Указ. соч. 87). На серебряных изделиях последней четверти XIX века мастеров-отходников в Грузии, помимо русского и арабского, часто встречаются надписи на грузинском языке (Указ. соч. 81). Исходя из этого, сложилась определенная методология атрибуции, в которой не

уделено должное внимание изучению надписей латиницей на клинках кавказского производства, т. к. такие надписи априори считаются не несущим смысла графическим подражанием надписям на европейских клинках. В процессе исследования автору удалось обнаружить два предмета, клинки которых подписаны, к нашему огромному удивлению, казикумухскими мастерами на французском языке.

Рассмотрим внимательно первый предмет - саблю, которая была обнаружена автором в частной французской коллекции (Илл. 1). Общая длина 97 см, длина клинка 84 см, ширина клинка 3,4 см. Сразу необходимо оговориться, что рукоять на сабле поздняя, на наш взгляд фантазийная, второй половины XX века и не является предметом исследования. Клинок двудольный. Нижний дол – широкий, а верхний - узкий. Боевой конец характерный для сабель – плоский. Долы заканчиваются на некотором расстоянии от конца клинка, в то время как у шашек они имеют другую структуру, то есть долы доходят практически до кромки боевого конца клинка. Сабли с подобной структурой долов (за исключением узкого верхнего, доходящего до хвостовика) и боевым концом похожей формы хра-

Илл. 1. Клинок сабли.

нится в Российском Этнографическом музее (РЭМ №8761-15764) (Указ. соч. 171). Около рукояти перед широким долом расположена площадка, на которой в рамке травлением нанесена надпись «Mahomed armurier du Prince Agalar Chan de Kazi Koumouk 1849» - «Магомед, оружейник князя Агалар-хана из Кази-Кумуха» (Илл. 2). Агалар-хан (Агалар-бек) был правителем Казикумухского ханства с 1842 до 1859 года, имел звание генерал-майора Российской императорской армии, командовал отрядами казикумухской милиции в боевых действиях против отрядов наибов Шамиля: «В ночь на 21 (апреля 1856 года) горцы до 2000 человек вторглись со стороны Андалаля в Прикаспийский край, в Казикумухское ханство; г.-м. Агалар-бек атаковал не-

Илл. 2. Надпись на клинке.

приятеля и обратил его в бегство» (Хронологический указатель военных действий 1911, 4). Обратим внимание на небрежный стиль надписи в рамке и неровные линии самой рамки. В связи с этим необходимо отметить, что для клинкового оружия дагестанского производства характерна некоторая неаккуратность в нанесении изображений и надписей на языках, отличных от арабского. Так, даже на клинках начала XX века, произведенных казикумухскими мастерами в столице Терской области Владикавказе, где уровень грамотности и художественного вкуса среди оружейников должен был быть выше, чем в Кази-Кумухе в середине XIX века, мы встречаем клейма и картуши с неровными буквами и орфографическими ошибками. Как пример, в альбоме «Холодное оружие в собрания Российского этнографического музея» опубликована шашка (РЭМ №8761 - 15765)

(Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея 2006, 39) с клинком производства мастерской Османа Омарова с клеймом «Арудж. Фабрика Османъ Омарова», которое означает «Оружейная фабрика Османа Омарова». При этом небрежность в надписях не была показателем низкого качества изделий. Для клинков казикумухских мастеров был характерен высокий уровень слесарной обработки и хорошие технические характеристики, что в дальнейшем стало залогом конкурентоспособности их продукции во Владикавказе.

Второй клинок с именем казикумухского мастера обнаружен автором при изучении предмета из собственного собрания. Это украшенная офицерская шашка 1863/1864 г. с неутапливаемой в ножны рукоятью (Илл. 3). Общая

Илл. 3. Общий вид шашки.

длина 96 см, длина клинка 79,6 см, ширина клинка 3,3 см. Отметим, что ножны шашки изготовлены одновременно с клинком под соответствующую кривизну с учетом неутапливаемой в раструб рукояти, что исключает поздний подбор прибора. На рукояти шашки нанесены надписи на арабском языке: на одной стороне с именем владельца (предположительно: *Владелец Нур Чашма Мирзахан*), на другой стороне - с именем мастера и годом производства «*Работал Омар Асад 1280*». В собрании Государственного Эрмитажа хранится шашка со схожим серебряным прибором (В.О.-1980), датированным 1284 годом Хиджры (1867/1868 гг. по Григорианскому календарю); предмет опубликован в альбоме Ю. Миллера «Caucasian Arms from the State Hermitage Museum, St. Petersburg» (Miller 2000, 239). Совместно с научным сотрудником отдела «Арсенал» Государственного Эрмитажа В.Н. Образцовым автором было проведено исследование клейм на серебряном приборе шашки В.О.-1980, в ходе которого было обнаружено клеймо мастера «*Работал Омар 1284*». Исходя из похожего стиля орнамента деталей ножен и их характерной

формы с фигурными выступами можно предположить, что прибор ножен обеих шашек изготовлен одним мастером, а в клейме на шашке из Эрмитажа написан краткий вариант его имени.

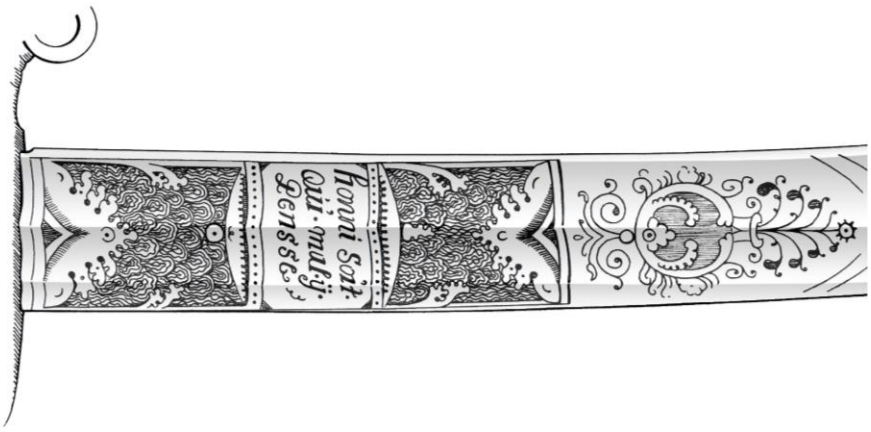
На пяте клинка с обеих сторон нанесено клеймо в виде картуша, в центре которого расположена надпись на французском языке «Масса l'armurie(r) de Kazi Koumuc(h)» - «Макка, оружейник из Кази-Кумуха» (Илл. 4, 5). На одной из сторон клинка надпись нанесена так, что основания букв направлены в

Илл. 4. Картуш на правой стороне клинка.

Илл. 5. Картуш на левой стороне клинка.

сторону боевого конца клинка, на другой - в сторону рукояти. Клинок имеет широкую режущую кромку и два широких дола, верхний широкий дол на некотором расстоянии от картуша с клеймом делится на два узких. Очевидно, что форма картуша была заимствована мастером. Подобные картуши с надписями на французском языке мы встречаем на клинках европейского производства XVIII века. В Музее артиллерии (ВИМАИВиВС) хранится шашка (Инв.№117/190. Кн.№17135) (Кулинский 2011, 30,31), на клинке которой изображен картуш формы, вероятно ставшей прототипом для картуша казикумухского мастера (Илл. 6).

Очевидно, что подобные кавказские клинки с надписями латиницей есть в музейных и частных собраниях, но место производства и имена мастеров, изготовивших их, не известны, т. к. должным образом не были изучены надписи в клеймах. Автор надеется, что после открытия казикумухских



Илл. 6. Картуш на клинке европейского производства.

клейм на французском языке все подобные клинки будут внимательно изучены, и исследователям удастся обнаружить новые ранее не известные имена дагестанских оружейников середины XIX века.

Библиография.

Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. СПБ, 2016.

Гомборцы. История 1-го Кавказского стрелкового Его Императорского Высочества Великого Князя Михаила Николаевича батальона / Сост. штабс-кап. Ф. Арутюнов. - Изд. доп. и испр. - Санкт-Петербург : типолит. И.Вышинского, 1898.

Кулинский А.Н. Русские именные клинки. СПБ «Атлант» 2011 г.

Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства, М., 1882.

Холодное оружие в собрании Российского этнографического музея. СПБ, 2006.

Хронологический указатель военных действий русской армии и флота. Санкт-Петербург: Типолитография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1908-1913.. Т. 4: 1855-1894 г.г. - 1911.

Miller Y.A. Kaukasiske Vaben fra Eremitagemuseet, Skt. Petersborg / Caucasian Arms from the State Hermitage Museum, St. Petersburg, Vaabenhistoriske Aarboger, 2000.

References

Astvatsaturyan E.G. (2016). *Weapons of the peoples of the Caucasus*. SPb.

Gomborcy. Istoriya 1-go Kavkazskogo strelkovogo Ego Imperatorskogo Vysochestva Velikogo Knyazya Mihaila Nikolaevicha batal'ona. Sost. shtabs-kap. F. Arutyunov [The history of the 1st Caucasian rifle His Imperial Highness Grand Duke Mikhail Nikolayevich battalion. Comp. staff cap. F. Arutyunov]. SPb. 1898.

Holodnoe oruzhie v sobranii Rossijskogo etnograficheskogo muzeya [Melee weapons in the collection of the Russian Museum of Ethnography]. SPb, 2006.

Hronologicheskij ukazatel' voennyh dejstvij rusckoj armii i flota [Chronological index of hostilities of the Russian army and navy]. Vol. 4: 1855-1894. Sankt-Peterburg, Tipolitografiya Sankt-Peterburgskoj tyur'my Publ., 1911.

Kulinsky A.N. (2011). *Russkie imennye klinki* [Named blades of Russia]. St. Petersburg, Atlant Publ.

Markgraf O.V. (1882). *Ocherk kustarnyh promyslov Severnogo Kavkaza s opisaniem tekhniki proizvodstva* [Essay on handicrafts of the North Caucasus with a description of production technology], Moscow.

Miller Y.A. (2000). *Kaukasisk Vaben fra Hermitage Museum* [Caucasian Weapon from the Hermitage Museum]. St. Petersburg, Vaabenhistoriske Aarboger Publ.

АЛЕКСЕЙ КУРОЧКИН

Рецензия на книгу: Robert Elgood. Rajput Arms & Armour: The Rathores & Their Armoury at Jodhpur Fort. Mehrangarh Museum Trust, 2017.

В 2017 г. вышел в свет долгожданный труд Роберта Элгуда о коллекции форта Мехрангарх – крепости в Джодхпуре, бывшей столице раджпутского княжества Марвар. Эта книга продолжила работу Р.Элгуда по описанию коллекций бывших арсеналов княжеств Раджастана. Предыдущая работа была посвящена коллекции музея CityPalace в Джайпуре[1].

В книге представлены более 400 предметов и свыше 800 иллюстраций, в том числе ранее не публиковавшиеся фотографии и миниатюры из собрания музея. Следует отметить, что описана не коллекция оружия целиком, а только выбранные автором предметы, несмотря на то обстоятельство, что изначально автору было предложено создать именно полный каталог оружейной коллекции. Несомненно, в последнем случае научная ценность работы была бы значительно выше, хотя она и не смогла бы предназначаться такому широкому кругу читателей, как выбранный автором вариант.

Описание оружия предваряет написанная популярным и доступным языком история раджпутов и, в частности, клана Ратхор – владетелей Мехрангарха. Это не оригинальное исследование, но выполненное с привлечением достаточно полного круга основных источников.

Близкое знакомство с арсеналами Раджастана и предметами, имеющими подтвержденное происхождение, начатое еще в предыдущей книге, позволило автору приблизиться к пониманию идей, революционных с точки зрения

[1] Elgood R. Arms and Armour at the Jaipur Court: The Royal Collection. Niyogi Books, 2015. 298 p.

любителей и коллекционеров индийского оружия – целевой аудитории автора. Как было написано в одном из отзывов: «эта книга расшатывает основы нашего понимания индийского оружия… Роберт Элгуд рассеивает наши предубеждения и заблуждения и раскрывает множество захватывающих новых фактов. Коллекционеры, музеи и аукционные дома должны будут пересмотреть свои воззрения, экспонаты и атрибуцию»[2].

Так, автором постулируется, что вопреки широко распространенному мнению оружие могольского двора не имело украшений, выполненных в технике всечки, а, наоборот, украшалось в более простой технике насечки. В подтверждение этого предлагается крайне слабо аргументированный довод, что моголы следовали персидской традиции XVI-го века не делать разрезы на клинке, поскольку это «ослабляет» клинок. Это возможное объяснение было бы в высшей степени интересно, если бы оно имело иное подтверждение, чем отсутствие, по мнению автора, подписанных (имеется в виду в технике инкрустации) иранских клинков XVI-го века.

Также утверждается, что до второй половины XVIII-го века подавляющее большинство рукоятей оружия не имело значительных украшений, либо было просто покрыто золотой или серебряной фольгой. При этом предметы, рукояти которых были в значительной степени украшены инкрустацией в традиционной технике всечки или насечки, вряд ли были многочисленны до конца XVIII-го века, и только в XIX-м веке под влиянием различных обстоятельств оружие стало массово украшаться и в первую очередь – старое оружие, которое в оригинале не имело украшений. Этот вывод автора согласуется с мнением авторитетного немецкого историка Германа Гётца, специалиста по античному и средневековому искусству Индии, директора музея в Вадодаре (Гуджарат) с 1939 по 1953 г., что украшение, в частности, кинжалов-джамдхар, наконечников копий, анкусов и табаров в технике инкрустации было поздним явлением, и что для раннего раджпутского оружия этих типов более характерны украшения в технике резьбы по металлу. Инкрустация же использовалась исключительно как дополнительное, второстепенное украшение с конца XVII-го и большую часть XVIII-го века. Полностью украшенные

[2] http://www.robertelgood.co.uk/Rajput-Arms-Leaflet.pdf.

в технике инкрустирования кинжалы-джамдхар появились в начале XIX-го века. Но при этом Гётц указывает, что мечи для охоты, тальвар-шикаргах, которые имели презентационное значение и роскошно украшались инкрустацией, вошли в моду уже со второй половины XVII-го века, хотя «боевые» мечи оставались простыми и неукрашенными[3]. В отличие от Гётца, автор книги делает общий вывод об отсутствии украшений, не вдаваясь в детальное исследование различных видов оружия и даже несколько противореча себе. Далее в книге автор приводит любопытные сведения, что в арсенале использовались традиционные, мягко говоря, неделикатные способы чистки клинков, применяемые в том числе и в реставрационных целях, которые включали в себя шлифование абразивами, что оставляло мало шансов для сохранения следов инкрустации.

Трудно не согласиться с мнением автора, что современная широко распространенная система атрибутирования и датирования оружия основана на данных, которые приводились долгие годы в аукционных каталогах. Не вдаваясь в подробности о том, усилиями каких экспертов и консультантов создавались эти ошибочные описания, автор книги берет на себя труд дать наконец-то правильные оценки и нарушить сложившийся статус-кво. В частности, постулируется, что большая часть оружия, которая ранее за счет качества работы относилась экспертами ко времени до XVIII-го века, на самом деле произведена в конце XIX-го – начале XX-го века. Особенно это касается кинжалов-джамадхар, когда в соответствии с возрастающими потребностями и вкусом коллекционеров, мастера воспроизводили все более качественные и сложные варианты художественного оформления. Большую роль сыграла популярность выставок достижений индийского ремесленного мастерства, для участия в которых раджи как отбирали лучшие из образцов своего оружия и украшали его заново, так и мотивировали мастеров производить новое. Очень часто это были цельнометаллические тальварные рукояти, обильно и качественно украшенные, но никогда не предназначавшиеся для использования по прямому назначению. При этом массово производилась и продукция

[3] Goetz, Hermann. The Art and Architecture of Bikaner State. Published for the Government of Bikaner State and the Royal India and Pakistan Society. Oxford, 1950. P. 125.

низкого качества для удовлетворения все возрастающего спроса на сувениры для европейцев[4].

В этой связи автор заключает, что огромная часть индийского оружия была произведена в конце XIX-го века[5], но очень редко в музеях или частных коллекциях можно обнаружить индийское оружие, датированное этим периодом. При этом опять остается непроясненным вопрос, откуда взялись эти «заниженные» ошибочные датировки в музеях и частных коллекциях и какие экспертные оценки лежали в основе тех «неправильных» экспертиз?

Несомненное достоинство книги составляют приводимые автором переводы архивных записей арсенала, которые позволяют немного понять атмосферу индийских оружейных арсеналов изнутри. К сожалению, ведение архивов в княжествах Раджастана имело немного общего с музейной работой в современном понимании. Так, каждая последующая инвентаризация не принимала во внимание предыдущую, в результате чего сопоставить конкретные предметы с их описанием при попадании в арсенал в подавляющем большинстве случаев невозможно. Да и сохранившие архивные записи относятся в основном к XIX-му веку и проливают мало света на изучение средневекового оружия Индии. Непосредственный интерес представляют выявленные автором обстоятельства хранения предметов в арсенале. В частности, дано объяснение геометрическим знакам и узорам в основании клинка – это были отметки, своего рода подпись, последнего полировщика. Также описана практика регулярного «обновления» предметов, уже не используемых по назначению, и установки на них новых «более красивых» рукоятей. Эта практика имела место и в случае направления старого предмета на выставку, когда оригинальная рукоять считалась недостаточно красивой и достойной славного предмета предков.

---

[4] Вызывает неподдельное удивление то обстоятельство, что подобные факты были изложены еще в конце XIX-го века в работах Томаса Гольбейна Хейндли, исследователя индийского искусства, и необъяснимо, почему попали в поле зрения автора только сейчас. Основные работы Т.Г. Хейндли: “Handbook to the Jeypore Museum”, “Memorials of the Jeypore Exhibition 1883: Industrial Art”, “Ulwar and its Art of Treasures”, “Damascening on Steel Or Iron, as Practised in India”, “Indian Jewellery”, “Jeypore Enamels”, “Indian Museums” и другие.

[5] Например, автор констатирует, что с 1840 г. кинжалы-катар производились в основном в целях продажи туристам.

Безусловно, центральной и самой главной частью исследования является раздел, посвященный ранним мечам Джодхпурского арсенала, датируемым XVII-м веком. Эти предметы с подтвержденным происхождением, в отличие от большинства предметов в музеях, не созданных на базе арсеналов, и в частных коллекциях, позволяют составить реальное представление об исторических артефактах без спекуляций и предположений. Общим выводом, к которому приходит автор, является убедительное предположение, что предметы, на самом деле предназначенные для использования по своему прямому назначению, как правило, более массивные и габаритные, чем их более поздние аналоги. Автор также делает интересное предположение, достойное дальнейшего изучения и подтверждения, что известная широкая и тяжелая сабля-тегха появилась в результате попыток придания сабельного изгиба традиционным раджпутским мечам-кханда. Во всяком случае, представленный автором ряд предметов, претендующих занять место «недостающего звена», позволяет говорить об этом с достаточной степенью убедительности.

Однозначной критики заслуживает подход автора к терминологии в целом и названию видов оружия и клинков в частности. Совершенно справедливо оставив попытки использования какой-либо строгой системы классификации, которая не работает на индийском материале должным образом, автор, по всей видимости, некритично принял к сведению и применению лексику, используемую непосредственно в Индии. Читатель, привыкший к устоявшейся терминологии изданий последних лет, будет введен в ступор и смущение, пытаясь понять, почему автор не различает, казалось бы, совершенно разные по своим морфологическим признакам предметы, называет одинаковые формы разными терминами, а разные – одинаковыми, или же вводит без каких-либо пояснений новую терминологию. Можно было бы предположить, что речь идет просто об автоматическом переносе данных музейных записей[6] или об ошибке ассистентов, но декларация автора в начале исследования, что названия, в частности, мечей, даны в соответствии с типом их клинков, а не

[6] В Индии не разделяют виды клинков по привычной европейцам схеме, и такой подход к составлению каталога представлял бы непосредственную научную ценность. Но автор однозначно заявил, что составление полноценного каталога коллекции не являлось его целью.

по типу рукоятей, не оставляет сомнений, что автор как минимум намеревался различать эти виды клинков и их названия, чего совершенно точно не произошло. Но с точки зрения понимания феномена индийского оружия можно только приветствовать такой слом сложившейся и привычной классификации, давно не отвечающей предъявляемым к ней требованиям.

Автор продолжает оставаться заложником общепринятой схемы описания предметов, требующей от эксперта определения места производства предмета. При этом чем более точно локализовано это место, тем более высокого уровня считается произведенная экспертная оценка. Помимо прекрасных атрибуций и основанных на достоверных фактах привязок предметов к конкретным местам производства, автор, в силу указанных обстоятельств, часто вынужден делать предположения о месте производства, честно ставя знак вопроса рядом с такой атрибуцией. К сожалению, в дальнейшем, в случае атрибуций предметов с аналогичными признаками, знак вопроса у автора исчезает, и его предположения приобретают характер утверждения. В целом справедливо заслуженный авторитет автора иногда порождает излишнюю уверенность и приводит к досадным ошибкам, которых по определению не должно быть в исследовании такого уровня. Так прямой клинок тальвара[7] несомненно индийского производства был атрибутирован автором как английский клинок в связи с тем, что автор перепутал уникальное высокохудожественное изображение на клинке индийской пальмовой белки с «лисьим» штампом мастерской в Shotley Bridge в английском Суффолке. Несмотря на очевидную несхожесть клейм, это нельзя объяснить невнимательностью автора, так как в описании предмета он помещает достаточно подробную историю возникновения традиции мастеров Shotley Bridge. Автор идет даже дальше и делает предположение, что этот клинок был в составе даров Аурангзебу послом Норрисом в апреле 1701 г. от имени Вильяма III и Ост-Индской Компании, поскольку в составе даров присутствовали десять прямых двухлезвийных клинков, а так как сам Норрис был по своему происхождению северянином из Ливерпуля, то вполне возможно он взял клинки производства Shotley Bridge. К сожалению, этот пример демонстрирует, как лю-

[7] ARM/76/155.

бая случайная деталь может за счет обилия сторонних фактов и спекулятивных размышлений привести к ошибочному мнению и создать «клинок Аурангзеба» из ничего.

Некритичный подход автора проявляется и в попытках работы с изобразительными источниками, особенно относящимися к эпохе, предшествующей появлению надежных письменных англоязычных источников. Так на скульптурном изображении X-го века “Yogini with a jar”, найденном автором в книге Debra Diamond и Molly Emma Aitken «Yoga: The Art of Transformation»[8], автор уверенно обнаруживает индийский топор-нож «бхудж». Далее, в уже знакомой манере, автор сообщает, что Южноиндийское государство Чола, к которому атрибутировано изображение, распространяло свое влияние вплоть до Индонезийского архипелага, где подобный предмет сохранился до XX-го века, использовался для рубки ротанга и назывался «piso-raout». К сожалению, недостаточное знание автором индийской культуры за пределами сохранившихся образцов оружия снова сыграло свою роль. Для неспециалиста, при изучении фотографии данной скульптуры в указанной книге, может сложиться впечатление, что персонаж действительно держит в руках что-то отдаленно, особенно при желании, напоминающее топор-бхудж. Знание индийской иконографии или просто знакомство с другими изображениями Йогини аналогичного периода и места позволяют убедиться, что она держит в руках палицу и ничего другого в соответствии с иконографическим каноном держать не может[9]. Автор, вероятно, был введен в заблуждение дефектом изученной им скульптуры – сколом на палице, который на иллюстрации в книге действительно создает впечатление плоского ножевого клинка. Знакомство с фотографией лучшего качества непосредственно на сайте музея позволяет убедиться, что это все-таки объемная палица[10].

---

[8] Diamond D., Aitken M.E. Yoga: The Art of Transformation. Smithsonian Institution, 2013.328 p.

[9] См., например, скульптура Йогини из Detroit Institute of Arts (57.88). https://www.dia.org/art/collection/object/yogini-48791. Примечательно, что эта скульптура проиллюстрирована страницей раньше в той же самой книге, в которой автор обнаружил изображение, на основании которого он строит свое мнение.

[10] Minneapolis institute of arts (60.21). https://collections.artsmia.org/art/1380/yogini-with-a-jar-india.

Некорректной с точки зрения использования изобразительных источников является и попытка автора установить факт наиболее раннего упоминания сабли-тегха на основе ее предполагаемого изображения на картине 1655 г. «Офицеры и мудрецы». Непонятным образом, вполне пропорциональная по своим размерам сабля была опознана автором именно как тегха, при том, что основной признак сабли-тегха – широкий массивный клинок – трудно определим по изображению сабли в ножнах, тем более, что ширина ножен сабли на этой картине вполне пропорциональна размеру рукояти, как у обычного тальвара, да и по сравнению с размерами изображенного рядом щита эта сабля, скорее всего, является именно обычным тальваром. Но по сравнению с миниатюрной фигурой владельца сабли, существенно меньшей, чем фигуры перснажей, сидящих на заднем плане, действительно может создаться впечатление большого размера этой сабли. Автор, вероятно, был введен в заблуждение методом обратной перспективы, которая еще применялась в могольской живописи этого периода.

Обширнейший глоссарий оружейных терминов оставляет двоякое впечатление. С одной стороны, это действительно самый полный на сегодняшний день глоссарий индийского оружия. С другой стороны, научный глоссарий должен преследовать какую-то цель, иметь систему отбора терминов и обладать некой структурой. Принципом глоссария, приведенного в данной книге, явно является упоминание любого термина, имеющего какое-либо отношение к войне и производству оружия. При этом выборочно, по произволу автора, в одних случаях проводится минимальное этимологическое или лингвистическое исследование, в других же случаях – нет. По всей видимости, автор пользовался только уже существующей и доступной информацией по этим вопросам. Без различения, критического отбора или минимального анализа, вперемежку приведены как генеральные термины, так и локальные местные названия. Привлечено без критического анализа наследие известного маратхского культурного деятеля – профессора Маникрао (Rajratna Rajpriya Professor Manikrao (1878-1954)), изучавшего в молодости традиционные воинские практики и донесшего в своих трудах знания об индийском оружии, но только в понимании первой половины XX-го века. Признавая безусловную

важность изучения наследия профессора Маникрао, хочется отметить, что такое наследие должно изучаться, а не привноситься некритично в научно составленные по внешнему виду глоссарии. В этой связи хочется привести мнение уже упоминавшегося Германа Гётца, сформулированное им еще в первой половине XX-го века, что «терминология индийского оружия до сих пор хаотична и нуждается в критическом анализе. Много терминов носят исключительно локальный характер и становятся вразумительными только в свете локальной истории. Было бы предпочтительнее использовать терминологию, базирующуюся на основных исторических типах, их вариациях и комбинациях»[11]. В этой связи рассматриваемый глоссарий представляет ценность больше как полевой материал этнографических исследований, сообщающий информацию о собранных в Индии «на местах» сведениях, что, конечно же, тоже имеет определенную культурную и научную ценность. При этом уделяя такое подробное внимание локальным терминам и разрабатывая вопрос терминологии в расширительном ключе, автор, вследствие некритичного подхода, вольно или невольно повторяет устоявшиеся ошибочные трактовки терминов. Из таких статей глоссария можно обратить внимание на термин «motipada», означающий прорезанные в оружии канавки с вставленными туда «жемчужинами» - металлическими шариками. Автор считает это слово персидским, несмотря на отсутствие такого слова в персидском языке и, наоборот, присутствие его в урду. Правильное понимание происхождения этого термина могло бы приблизить к пониманию направленности исторических культурных обменов и заимствований. В случае термина “katar” автор предпочитает не углубляться в исследование этого термина и повторяет расхожую трактовку, объясняющую другое название этого оружия “jamdhar” как «зуб бога смерти Ямы», в то время как даже поверхностный анализ санскритских корней этого слова дает более удобочитаемое значение как «обоюдоострый». Оставляет автор без внимания и многочисленные свидетельства европейцев, из которых можно понять, что термином «катар» часто обозначались и простые кинжалы нетычкового типа, так как сам термин «катар» происхо-

[11] Goetz, Hermann. The Art and Architecture of Bikaner State. Published for the Government of Bikaner State and the Royal India and Pakistan Society. Oxford, 1950. P. 124.

дит от глагола со значением «резать» и обозначал любой кинжал в принципе. По-прежнему загадкой для автора является трактовка термина «phul-katara», который автор пытается неубедительно толковать, раскрывая его значение через слово «phul» - цветок и, следовательно, через существование неких кинжалов с оформлением навершия в виде цветов или венчика из цветов. Все это несмотря на то обстоятельство, что еще во второй половине XVII-го века французский путешественник Жан Шарден (Jean Chardin) описал этот элемент как «rose de poignard»: «кинжал пропущен за пояс и крепится на нем шнуром, закрывая узел круглой запоной с драгоценными камнями, которую называют «розой» кинжала»[12]. Действительно, такие запоны в изобилии представлены в могольской живописи, как носимые на поясе вместе с различными видами кинжалов. Термин “pata”, используемый для меча с латной рукавицей, опять-таки, привычно трактуется как «широкий лист». В одном из написаний слово «pata» действительно имеет отношение к ботанике. Другие написания, доступные из словарей урду и обозначающие явления, имеющие гораздо большее отношение к оружию, чем к ботанике, автором не рассматриваются и не анализируются.

Вызывает также удивление то обстоятельство, что, хотя в глоссарий попали многие термины второстепенного характера, имеющие крайне опосредованное отношение к оружию и не несущие в себе существенной информации культурного или исторического значения, в глоссарии отсутствуют термины, которые действительно представляют интерес и могли бы пролить свет на раннее неизвестные факты. Например, это термины, использовавшиеся Томасом Гольбейн Хейндли для описания конкретных видов оружия и к тому же снабженные изображениями этого оружия, и это при том, что работы Т.Г. Хейндли являются одним из основных источников в исследовании автора. Так в книге Т.Г. Хейндли «Ulwar and its Art Treasures»[13] кинжалы на иллюстрации (Илл. 1) определены и названы следующим образом:

1. Jamaiya. 2. Dhir Khani. 3. Pesh-kabz. 4. Bahbudi.

[12] The Tūzuk-i-Jahangīrī Or Memoirs Of Jahāngīr, tr. Alexander Rogers. London, Royal Asiatic Society, 1909. P. 230.
[13] Hendley T.H. Ulwar and Its Art Treasures. W. Griggs, 1888. 50 p.

Илл. 1.

Учитывая, что в глоссарии использованы самые разнообразные по происхождению термины из санкскрита, хинди, марвари, маратхи, раджастани, панджаби, персидского, арабского языков, а также многочисленные локальные термины с широкой географией, термины из основного источника оказались за рамками исследования и какого-либо объяснения.

В заключение хотелось бы подчеркнуть очевидные достоинства книги, такие как публикация и введение в оборот предметов XVII-го века с подтвержденным происхождением, а также подробный разбор предметов, произведенных или украшенных в XIX-м или в начале XX-го века. Указанные атрибуции можно считать достоверными и уверенно использовать для определения аналогичных предметов. В других случаях атрибуции носят зачастую дискуссионный характер и должны быть приняты с известной долей осторожности.

Памяти Эммы Григорьевны Аствацатурян
(13.03.1929-18.11.2018)

18 ноября 2018 года не стало Эммы Григорьевны Аствацатурян – крупнейшего российского специалиста по истории оружия Кавказа и Ближнего Востока.

Эмма Григорьевна родилась в Москве в 1929 году. В 1952 году окончила восточное отделение исторического факультета МГУ. В 1954 году она поступила на работу в отдел оружия Исторического музея, где довольно быстро обозначился круг ее научных интересов – история восточного оружия XVII–XIX веков. В 1977 году Эмма Григорьевна защитила кандидатскую диссерта-

цию по теме: «История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX - начале XX в.».

Более 54 лет Эмма Григорьевна являлась хранителем фонда Восточного оружия. За эти годы она провела огромную исследовательскую работу по описанию, систематизации и атрибуции и введению в научный оборот коллекции оружия Ближневосточного региона. Эмма Григорьевна вела активную полевую работу, принимая участие в музейных историко-бытовых экспедициях на Кавказе, которые собрали богатый этнографический материал, пополнивший собрание Исторического музея. Она поддерживала обширные контакты с мастерами-оружейниками, отечественными и зарубежными коллегами и коллекционерами, которые также способствовали пополнению оружейной коллекции.

Результатом ее многолетней работы стали монографии: «Оружие народов Кавказа», «Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея», а также уникальные справочники – «Мастера оружейного и серебряного дела Северного Кавказа и Закавказья», «Указатель клейм мастеров оружейного и серебряного дела Северного Кавказа и Закавказья» и ряд статей по истории оружия. Монография «Турецкое оружие в собрании Государственного Исторического музея» в 2003 году была отмечена Забелинской премией – высшей наградой за научные исследования, выполненные сотрудниками исторических, краеведческих и историко-художественных музеев Российской Федерации.

Эмму Григорьевну всегда отличали преданность профессии и безукоризненная человеческая и научная добросовестность. Ее научные труды и творческая биография навсегда заняли место в истории российского оружиеведения и музейного дела. Эмма Григорьевна Аствацатурян заслуженно считается основоположницей российской научной школы изучения кавказского и восточного оружия, ее исследования сохраняют и еще долгие десятилетия будут сохранять свою актуальность и востребованность у специалистов. Ее монографии и справочники являются настольными книгами современного поколения исследователей. Нельзя не отметить и тот вклад, который внесла Эмма Григорьевна в возрождение традиционных народных промыслов кав-

казских народов, в возрождение традиций изготовления художественного кавказского холодного оружия.

Фундаментальные знания и огромный опыт музейной работы, тонкое чувство юмора, необыкновенная скромность, тактичность, отзывчивость – все эти качества были присущи Эмме Григорьевне, поэтому она была любима и пользовалась заслуженным авторитетом в профессиональной среде. Будучи человеком открытым, она щедро делилась своим научным опытом с младшими коллегами и всегда была готова помочь советом и консультацией. Многие поколения исследователей-оружиеведов считают ее своим Учителем.

Память об Эмме Григорьевне навсегда останется в наших сердцах.

Редакция журнала «Историческое оружиеведение»

EDITORIAL BOARD
OF
WEAPONS HISTORY JOURNAL

ARTEMYEVA Nadezhda Grigoryevna
Ph.D., Institute of history, archaeology and ethnography of the peoples of the far-east, far-eastern branch of the RAS (IHAE FEBRAS) (Vladivostok, Russia)
BAGRIN Egor Andreevich
Ph.D. (St. Petersburg, Russia)
VETUKOV Vladimir Vladimirovich
Ph.D. (St. Petersburg, Russia)
GORBUNOV Vadim Vladimirovich
D.Sc., Proff., Altai State University (Barnaul, Russia)
DMITRIEV Vladimir Aleksandrovich
D.Sc., The Russian Museum of Ethnography (St. Petersburg, Russia)
MALOZYOMOVA Elena Igorevna
Ph.D., State Hermitage (St. Petersburg, Russia)
NOVOSELOV Vasiliy Rudolfovich
Ph.D., Moscow Kremlin Museums, Armoury Chamber (Moscow, Russia)
ORLENKO Sergey Pavlovich
Ph.D., Moscow Kremlin Museums, Armoury Chamber (Moscow, Russia)
Panfilov Fedor Mihailovich
Ph.D., Moscow Kremlin Museums, Armoury Chamber (Moscow, Russia)
PINK Igor' Borisovich
PhD, Deputy Director for the Scientific Work and the Exhibition Organisation, Tula State Museum of Weapons (Tula, Russia)
SAMGIN Sergey Vladimirovich (Editor-in-Chief)
Ph.D, Tambov State University (Tambov, Russia)

CONTENTS

S. Orlenko, V. Novosyolov, V. Kurmanovsky. Revisiting the Russian Weapons from Crucible Steel in the 17th Century (a case study of the former archive of the Armoury Chamber). **6**

V. Senichev. Rules of the Iberian Two-Handed Sword Compiled by Diego Gomez De Figueredo in 1651 **89**

S. Talantov. French-language Marks of Blade Smiths from Kazi-Kumukh (Dagestan) in the 19th Century. **108**

A. Kurochkin. Review: Robert Elgood. Rajput Arms & Armour: The Rathores & Their Armoury at Jodhpur Fort. Mehrangarh Museum Trust, 2017. **116**

In memory of E.G. Astvatsaturyan. **127**

Editorial board **130**

Contents **131**

Summary **132**

SUMMARY

S. Orlenko, V. Novosyolov, V. Kurmanovsky

Revisiting the Russian Weapons from Crucible Steel in the 17th Century (a case study of the former archive of the Armoury Chamber)

The problem of the present article is the history of the manufacturing and functioning of weapons made from crucible steel in Russia. It is a challenging question for the local weapon study. The main object of the investigation is the Moscow Armoury Chamber, which was the court workshop and stockpile for the Russian tsars in the 17th century. The present research is based on the authentic sources concerning the activity of the Armoury Chamber in the 17th century. These are the inventories, cash receipts and payment books, documents of the current administration of the Armoury Chamber (Armoury prikaz), which are now kept in the State archive of the antic manuscripts (holding №396), as well as the original weapons that used to be a part of the royal armoury treasure in the 17th century and are now in the collection of the Moscow Kremlin Museums. An important part of the work is an attempt to provide the broadest range of historiography data and its analysis.

These complex sources permitted the authors to conclude that during the 17th century the manufacturing of weapons from crucible steel in and for the Armoury Chamber was not both permanent and regular practice. The facts of producing blades from crucible steel, which were similar in price and quality to their oriental analogues, by the Moscow blade smiths speak about the high level of their work and skills.

The primary sources point that both in the first and second half of the 17th century the heads of the Armoury Chamber tried to supplement the stuff of the workshop with specialists capable of producing the high quality saber blades, as well as to organize an apprenticeship of such workers in Moscow or in the countries of the

Orient. In the article these attempts are marked as not quite pertinacious and persistent ones, and they weren't crowned with any success. The authors also state the absence of any compelling evidence pointing to the crucible steel manufacturing in the 17th century Russia while there are some records saying for the purchase of the steel in the oriental countries.

In the authors' opinion, the reason of insufficient activity in the process of organization of weapon manufacturing from crucible steel in the Armoury Chamber is the confidence of the department heads in the possibility to meet the high quality weapon and armour need of the Russian court by means of import of the necessary pieces directly from Iran and Turkey. A result of the whole work is the catalogue of the weapons from crucible steel now kept in the Moscow Kremlin Museums, which is provided in the addendum.

Key words: Russian weapons, Kremlin Armoury, bulat steel, wootz, production of weapons

V. Senichev

Rules of the Iberian Two-Handed Sword Compiled by Diego Gomez De Figueredo in 1651

The article presents a brief review and translation of the treatise titled Memorial Da Prattica do Montante (MS 49.III.20.nº.21) which is devoted to an Iberian two-handed sword by the name of 'montante'. The treatise is written by the Portuguese Mestre de Campo Diego Gomez de Figueredo for his student, the prince Dom Theodosio de Bragança, son of the king of Portugal Jean IV the Restorer. The treatise by de Figueredo, although being the most recent in terms of creation, is also one of the most comprehensive ones written about the Iberian two-handed sword. The manuscript describes thirty-two rules or regras for a large two-handed sword, designed to strengthen the body and prepare a person to confront any number of opponents armed with any type of weapon. The rules are divided into complex and simple types according to the execution techniques. They also have a tactical com-

ponent that describes the situations in which these rules are most applicable. In the conclusion of his treatise de Figueredo also offers general advice on the use of the sword, the rules of cutting and thrusting sequences. A characteristic feature of the Iberian montante is its opposition to a large number of opponents armed with different weapons and the possibility of using it both in limited space and in large areas. The treatise fits well into the Spanish-Portuguese tradition of fencing with a two-handed sword in the context of destreza comun, dating back to the beginning of the 16th century. Treatise by de Figueredo can be considered canonical for this weapon, since some of the rules included are completely coincide with the ones described in the earliest extant sources about the Iberian two-handed sword tradition.

Key words: fencing, two-handed sword, montante, montante, destreza comun, Portugal.

S. Talantov

French-language Marks of Blade Smiths from Kazi-Kumukh (Dagestan) in the 19th Century

The problematics of the investigation of Dagestan weapons dating back to the first half- middle of the 19th century stems from the absence of the background information about the masters due to the continuing military campaigns in the Eastern and Southern Caucasus during the Caucasian war. The Lak village of Kazi-Kumukh is famous as the motherland of seasonal masters such as widely known Guzun Guzunov, Osman Omarov and others who worked in Vladikavkaz in the end of the 19th - beginning of the 20th century. Kazi-Kumukh was the principal village of the Kazi-Kumukh khanate and one of the centers of the weapon manufacturing in Dagestan. The author managed to find and attribute *shashka* blades dating back to the 19th century which were marked with the names of the Kazi-Kumukh masters, written in French. Consequently, the author not only ascertained the names of two novel blade smiths but on the grounds of the specific features of the

attributed blades provided the basis for the future researches and discovery of other novel names.

Key words: *shashka*, Caucasus weapons, marks.

НАШИ АВТОРЫ:

Курмановский Владимир – научный сотрудник отдела Средневековья Института археологии РАН.

Курочкин Алексей - заместитель главного редактора журнала «Историческое оружиеведение», редактор интернет-портала о традиционных воинских практиках Индии. Область научных интересов - традиционные воинскии практики и оружие Индо-Персидского региона. Москва, Россия.

Новоселов Василий – хранитель коллекции холодного оружия Музеев Москвоского Кремля, кандидат исторических наук.

Орленко Сергей – ведущий научный сотрудник Музеев Московского Кремля, кандидат исторических наук.

Сеничев Вадим - ассистент кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних веков Московского Государственного Областного Университета. Москва, Россия.

Талантов Сергей - частный коллекционер и исследователь, г. Москва, область интересов: уставное, казачье и кавказское оружие Российской Императорской армии конца XVIII - начала XX вв.